

Евгений Мисюрин

A close-up, high-contrast image of a person's face. The right eye is replaced by a complex, metallic, mechanical eye with a lens and internal gears. The left eye is partially visible, looking towards the viewer. The lips are slightly parted, showing teeth. The background is dark and textured with horizontal lines.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДУШИ

Евгений Борисович Мисюрин

Железные души

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Ты никак не можешь вписаться в существующий социум? Вокруг одни идиоты, а любое начинание выматывает нервы и забирает энергию, но заканчивается пшиком? Чувствуешь, что готов к огромным свершениям, но почему-то не получается просто жить так же легко и непринуждённо, как окружающие? Тогда проверь, может ты вообще не принадлежишь к этой реальности. А может, и ни к какой другой, а твоя миссия – скользить между ними, что-то меняя, что-то улучшая, для того, чтобы во вселенной сохранялась гармония.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	66
Глава 5	90
Глава 6	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Евгений Мисюрин

Железные души

Глава 1

Утро началось как обычно – ненавистный будильник выдернул меня из сна. На этот раз сон мне снился счастливый. Видимо, для разнообразия. Я был палочкой в тетрисе. Той самой, из четырёх кубиков. О, как меня любили игроки! Не то, что Марио. Да, было такое. Мне однажды приснилось, что я Марио из игры. Как ни странно, я часто во сне вижу себя героем компьютерных игр. Однажды видел себя в НФС, так у меня реально не было лица. Как Стиг в Топ-Гире, полностью закрытый шлем и ничего больше.

На этот раз пробуждение было тяжёлым. Понедельник... и кто только их придумал? Сложно, например, сделать так, чтобы в понедельник рабочий день начинался с обеда? Ведь всё равно вся страна до полудня некоммуникабельна.

Так, не проснувшись до конца, пробираюсь на цыпочках на кухню и вполглаза делаю себе чашку растворяшки. Вот теперь, вроде, пошла загрузка. Могу уже почистить зубы, помыться, побриться...

Пока ёрзаю электробритвой по щекам, смотрю погоду за окном. И начинаю волноваться. Что-то с машиной не то.

Как-то она неправильно стоит.

Бросаю всё, мгновенно, забыв про тишину, сую ноги в штанины, а руки в рукава, накидываю куртку и сбегаю по лестнице, забыв про лифт. Так и есть! Блин! Блин!!! Блин!!!!

Мой любимый «Лансер», за который ещё год платить, кургузо раскорячился тормозными дисками на кирпичах. Сняли все четыре колеса, суки! Да ещё и разбито боковое пассажирское стекло. Заглядываю... так и есть. Точнее, нет. Нет магнитолы. Классная, сенсорная. Месяц, как поставил. Двести баксов, между прочим.

В сердцах падаю грудью на капот и начинаю молотить кулаками. Сволочи! Козлы! Суки!.. Стоп. Хватит. А то кроме прочих неприятностей ещё и капот помну. Уже помял. Блин! Да что за день!

Пока еду в метро, появляется время прикинуть, что делать дальше. Почему-то, когда за рулём, думать неудобно. Вроде, и дорога привычная, и машина настолько хороша, что почти сама едет, за руль лишь для гаишников держусь. А вот не идёт мысль в голову. А тут сел, глаза прикрыл, плеером уши заткнул, сиди, думай.

Придётся просить сегодня аванс. И то, вряд ли дадут. Не принято у нас. Десятого получка, двадцать пятого аванс. И всё. А сегодня тридцатое. Ну, не объяснишь же начальству, что все деньги прошопили. Даша ещё эта. Каждый месяц по два раза у неё праздник. День покупателя, блин. А то, что не откладывается ни копейки, это фигня.

Стекло ещё. Магнитола-то, хрен с ней. Старую поставлю на крайний случай, ну или так покатаюсь, пока новую не куплю. Но стекло. Календарь перешагивает с октября на ноябрь, того и гляди снег пойдёт. А я такой, как в Сочи, ага.

Нет, не получится у меня аванс выпросить. В этом месяце пятеро в базе остыли, продажи упали почти на четверть. И отчёт по третьему кварталу ещё не готов. Отчёт, чёрт! Это же октябрь. Не одинэсовский же им предоставлять. Тогда вообще уволят.

Ну, выгонят, хоть расчётные получу, колёса поставлю. Нет, конечно. Это я уже от безысходности. Юмор висельника. Колёса ладно, на крайняк летние надену. Не Сибирь всё-таки. Покатаюсь и так. Но стекло. Сейчас приеду, первым делом стёкла на Лансер загуглить надо.

– Станция «Чистые пруды». Переход на станцию «Тургеневская».

Ну вот. Чуть не проскочил. Вскакиваю, делаю рывок к дверям и упираюсь в ближайшую спину. Почти все выходят. Неудивительно, людям на работу. Вот за что я ненавижу метро. Теперь ещё десять минут пингвиньим шагом до эскалатора, потом опять всю дорогу нюхать чьи-то подмышки. Хорошо, хоть осень. Придётся вдыхать пыль чужих пальто и курток. Ну, или дезинсекторские духи какой-нибудь продавщицы. Никакого личного пространства. Машина! Блин! Какие сволочи всё-таки. А я её так люблю. Ну и что, что ей уже десять? Не восемнадцать же. Зато брал в идеальном состоя-

нии, да и сейчас она гоняет как болид. Ну, то есть, гоняла, пока колёса не сняли.

– Привет.

Димка, охранник, кажется, как-то ехидно улыбаётся сегодня. Киваю и почти бегом прохожу мимо. Такое ощущение, что все уже всё знают, и лишь делают вид, что учтиво здороваются. А глаза хитрые-хитрые. Думают, небось, вон, Кирилл пешком пришёл. Колёса с машины ночью скоммуниздили, стекло расфигачили. Лошара!

Голова произвольно уходит в плечи, походка становится деревянная... Стараюсь как-то расправиться, но проходит несколько секунд, и я снова в позе нашкодившего пса.

– Здравствуйте.

В кабинете уже все на местах. Подхожу к каждому и пожимаю руки. Обязательная процедура. Попробуй, просто кивни. Обидишь на всю жизнь. Вот что за гопнические привычки? У каждого ведь высшее образование, а ведут себя, как в подворотне. Ещё бы семечек предложили.

Сажусь за свой стол и включаю комп. Так. Скорее сделать рабочий вид. ИБД. Имитация бурной деятельности.

У меня удобное место, возле окна. Чёрт, ещё вчера прямо под ним стоял мой «Лансер». Я в любой момент мог на него посмотреть. А сейчас... Пустое место на парковке, как вырванный зуб.

Пока система грузится, осматриваюсь. Вон Виталий Аркадьевич. Тщательно отжимает в чашку чайный пакетик. Все-

гда он так. Выжмет его досуха, только что не высосет остатки, и кладёт на блюдечко. Вообще, что он у нас забыл? Мужуку пятый десяток. А он сидит среди двадцатилетних «почтимосквичей», будто так и надо. Или уже ему полтинник? Как-то никогда не задумывался. А сам он разве скажет? Ти-хушник. Слова лишнего не вымолвит. Так и сидит молча второй год. И как его Денис Евгеньевич на работу взял? А главное, как эйчары пропустили? Такому самая дорога где-нибудь вахтёром чаёвничать, так нет. Целыми днями молчит или вполголоса всех ругает. Клиентов за маленькие объёмы, компьютер свой за то, что не может в нём разобраться. Сотрудников в курилке просто за то, что они есть.

Или вон, Анжела Олеговна. Она типа мой начальник. Старше меня на год и тупая, как шар для боулинга. Единственное, что умеет, это булками своими по кабинету вертеть, да сиськами трясти. Через них, небось, и в главнюки выбилась. Говорят, под неё специально должность открыли – начальник группы бытового оборудования. Хорошо, что её сейчас нет. На пятиминутке. И главное, все ведь всё знают. Когда она на той неделе со своей пятиминутки пришла с пыльной коленкой, даже самые наивные сомневаться перестали.

Единственный, кто мне здесь симпатичен – Борька. Огромный бородач, живущий в своём углу, между двух кактусов. Борька выпивает в день не меньше двух литров растворяшки, выкуривает пару пачек сигарет и никогда не всту-

пает ни в какие споры. Спокойный, как его соседи кактусы. Никто никогда не знает, чем он там занимается. Вроде как отвечает за связь и вообще сеть. Но человек хороший, добродушный.

– Может, у него до получки попросить? Нет, бесполезно. Борька на ипотеке.

– Кирилл, а чего это я сегодня твою машину на стоянке не видела?

– Это Бэлла. Ну и имечко. Как в сауне. Вредная. Сейчас обязательно подколет. И не факт, что по-доброму. Язычок у неё – ого-го. Стоит в дверях, шарф свой трёхметровый разматывает и всех так внимательно оглядывает. От Бэллы даже Виталий Аркадьевич иногда огребает по самое не балуйся. Как сказанёт...

– Здравствуй, Бэлла.

– Так чего машины-то нет? Угнали что ли?

– Типун вам, девушка, на ваш великий и могучий русский язык, – отвечаю. – Никто её не угонял.

– Ну, допустим, он у меня не совсем русский.

Бэлла кичится, что папа у неё живёт в Израиле, но сама почему-то на историческую родину не спешит. И что ей ответить? Может, просто уткнуться в монитор? Вон, Винда загрузилась. Кстати, почту надо проверить.

– Так где машина, Седловой?

Склонила надо мной, только что на моник не легла. Делаю угрюмое лицо и начинаю ожесточённо ёрзать мышью.

– Опять что ли Дашка твоя деньги тратить поехала? – с сарказмом предполагает она. – Эх, Седловой, Седловой, ты не дружишь с головой.

– Тоже мне, Ахмадулина, – бурчу в ответ.

Бэлла картинно хохочет. Потом наклоняется и почти на ухо, но громко, чтобы весь кабинет слышал говорит:

– Верёвки она из тебя вьёт, Кирилл. А ты как слон на верёвочке. Бросал бы ты её. Ведь не урод, можешь нормальную девушку найти.

У меня поднимается пульс. Чувствую, как щёки наливаются кровью, дыхание учащается. Поднимаю красное лицо и с неестественным сарказмом спрашиваю.

– Это тебя что ли?

Бэллка почти на десять лет старше меня, у неё, говорят, сын скоро в школу пойдёт. Правда его никто не видел, но слухи ходят. Примерно раз в месяц она устраивает презентацию. То ли в шутку, то ли всерьёз сватает мне себя.

– А что? – Она гордо вскидывает голову, глядя на меня сверху вниз. – Еврейская жена – не роскошь, а средство передвижения.

Весь кабинет взрывается от хохота. Ну конечно же, все внимательно слушали. Локаторщики. Работы же ни у кого нет.

Бэлла походкой от бедра умудряется проскользнуть между нашими столами. Идёт с гордым видом, как Бентли по Кутузовскому. А что я ей скажу? Что? Сам знаю, что Дашка

верёвки вьёт. Так ведь зато под боком. И готовит иногда. Да и знакомиться я не умею. Есть такие мужики, раз-раз... и на матрас. А я так не могу. Начинаю мямлить, пургу какую-то нести. Девчонки только хохочут. А мне сразу стыдно. Пробовал я уже. И сейчас ещё, как вспомню, каким дураком перед ними выглядел, краснею.

Вроде, нервы отпускают. Пульс нормализовался. Смотрю в компьютер. Блин, опять! Пошла перезагрузка. Висит чёрный экран с нерусскими буквами. Такое ощущение, что мы с компом братья. Ну, или он меня чувствует. Который раз уже. Как разнервничаюсь, он перезагружается или вообще, в синий экран выпадает. Скорее всего, конечно, совпадение. Да и было-то раза три-четыре. Но всё равно, впечатляет. А главное, уже полчаса сижу, а ещё даже почту не проверил. Сейчас Анже...

Помяни чёрта на ночь. Открывается дверь и своей фирменной, виляющей, походкой в кабинет wpłyвает Анжела Олеговна. Узкая чёрная юбка обтягивает бёдра, грудь в чёрном лифчике сквозь белую блузку как на ладони. Да... такие бы, да на ладони...

А вот причёска не совсем в порядке. Пятиминутка, мы понимаем. Входит, оглядывает наполеоновским взглядом кабинет...

– Седловой!

Кажется, даже кактусы возле Борьки вздрогнули.

– Седловой. Отчёт готов? Я тебе десять минут назад в ча-

те писала, чтобы вывел на печать. Ты, кстати, почему в оффлайне был? Опоздал?

Блин. Мне только этого не хватало. Я его же ещё даже в порядок не привёл.

– У меня компьютер завис, Анжела Олеговна. Загрузился, и сразу в перезагрузку.

Монументальный, не меньше четвёрки, бюст нависает над моей головой. Толстая, как гаванская сигара, ручка начинает впечатывать в стол каждую букву.

– Седловой, – тук!

– Я тебе сколько раз повторяла...

Каждый слог удар ручки по столу вбивает в мой мозг. И где она только такую купила? Сломала бы, что ли?

– Тридцатое число, Седловой! Ты и так первый кандидат на вылет. И! Ничего! Не делаешь!!!

Ручка бьёт, как по крышке гроба. Пульс снова пускается в пляс, дыхание ускоряется. Того и гляди из ушей пар повалит. Нога под столом дрожит, не находя себе места. Я непроизвольно тарабаню в такт ручке пальцами. Да что же она ко мне привязалась?

Компьютер в полголоса пискнул, и монитор снова почернел. Через секунду испуганно высунулись первые буквы.

– Вот, – чуть громче системного зуммера пишу я. – Компьютер не в порядке, Анжела Олеговна.

– Я уже много лет Анжела Олеговна. Чтобы через час отчёт лежал у меня на столе.

Ага, много лет. Ей двадцать пять всего. И пошла к своему месту, виляя булками. Щёки покраснелись, дышит во всю грудь. Может, она от таких вот накачек оргазм получает? Может, это извращение какое вроде садизма? Ну, кого-то там надо палкой по пяткам отлупить, кого-то связать. А она вон, наорала, ЧСВ почесала своё, и готово. И главное, делать отчёты – это вообще-то её работа.

Сердце снова колотит, в глазах двоится. Дрожащими руками достаю Реланорм, судорожно съедаю пару колёс прямо так, без воды. Гадость, но я уже привык. Так, теперь только минуту подождать.

Закрываю глаза, чтобы не видеть расплывающуюся картинку, дышу глубоко. Вроде, прошло. Пульс замедляется. Руки перестают трястись. Можно отмаргивать. Как раз загрузилась операционка. Вон, в уголке, мигает сообщение. Ну да, точно. Отчёт. Чёрт! Когда же я успею?

Отлипаю от монитора только через полтора часа. Спина затекла. Закидываю руки за голову и старательно, до хруста, тянусь. Ох. Ну, ничего. Ещё полчаса и доделаю.

– А ты мне опять улыбаешься... – заходится истошным пением Фомина телефон на столе.

Ну да, вон она, Дашка, её любимое фото на экране. И чего оно ей так нравится? Брови нарисованные, чёлка как у ризеншнауцера, губы дудочкой. Отвечаю на звонок не столько потому, что хочу говорить, сколько, чтобы убрать это фото.

– Да.

– Зай! – голос Даши не предвещает ничего хорошего. – А что с машиной?

– Я работаю. Мне сейчас некогда разговаривать.

Блин, ещё и это. Что за понедельник такой? Из колеи же выбивает. И так в поте лица, а тут ещё Дашка. Но девушка, похоже, проснулась и выглянула в окно. И, понятно, увидела разутый и побитый Лансер.

– Ну зай! Ты чё!?! Мне же вечером в салон. Я что по-твоему, на метро должна переть, как дура?

– А я... – пытаюсь вклиниться в монолог, но это бесполезно. Если Дашка надумала сделать выволочку, её не остановить.

– А обратно? Ты вообще обо мне подумал? Кто меня заберёт? Или ты хочешь, чтобы меня тёмной ночью в подворотне изнасиловали? Да!?! Ты этого хочешь?

– Да я-то тут при чём?

Я снова пытаюсь сказать, что не сам снял колёса и страдаю не меньше. Но бесполезно.

– Ах, ты ни при чём!?! Ты вообще нигде ни при чём. Удивляюсь своей доброте, как я ещё тебя кормлю, а главное, за чем. Если ты даже за любимой в салон поздним вечером захватить не можешь. Или что?! Ты думаешь, некому будет довезти красивую девушку?

– Постой, постой. Я всё устрою.

– Так бы и давно. Чтобы к вечеру всё было в порядке.

Всё. Бросила трубку. Сердце снова выскакивает, но таб-

летка ещё гуляет по организму, так что чувствую себя чуть лучше. Я, оказывается, сидел скрючившись, почти под столом, и закрывал рот ладонью. Блин... Поднимаюсь и оглядываю кабинет. Конечно же, все уставились на меня.

Виталий Аркадьевич снова шевелит губами. Судя по насупленным бровям, он явно не песенки напевает. Взгляд осуждающий. Глаза Бэллы так и говорят: «Вот! Не послушался меня, теперь страдай». Но хуже всех, конечно, Анжела Олеговна. Кажется, она подбирает слова, чтобы во всеуслышание меня заклеить. Что-то надо делать, а то Реланорм сейчас не справится. На всякий случай глотаю ещё одну таблетку.

– Анжела Олеговна, отчёт распечатывать, или в электронной форме передать?

Вот, кажется сбил настрой. Задумалась. Давай же, шевели единственной извилиной. Всё равно в бумаге получишь. Ну? Ещё несколько секунд нужно моей начальнице на ответ.

– Седловой, он что, ещё не готов? Я тебе когда час давала? Делай как хочешь, но, чтобы прямо сейчас всё было. Время пошло.

Очень хочется снести отчёт с диска и ехидно ответить, что у тебя только что всё было, как и просила, а теперь нет. Но дразнить гусей я не буду.

Непроизвольно вспоминаю, как в детстве меня покусал гусь. Мне лет пять было. Я, наивный, считал, что птицам положено клеваться. Потом неделю стоя обедал и на животе

спал.

Так, не о том. Вывожу на печать готовую часть, а сам в темпе вальса заканчиваю остальное. Через двадцать минут распечатываю остаток. Всё. Можно немного расслабиться. Только отнесу ей то, что в выходном лотке. А то ведь начальнице понты не позволяют встать и до общего принтера прогуляться. А мы люди не гордые.

Вот теперь можно и кофейку бабахнуть. А то виданое ли дело, рабочий день два часа, как начался, а я ещё ни в одном глазу. Подхожу к кофе-машине, подставляю свою любимую коричневую чашку и жму кнопку с надписью маркером «Руссиано». Кружка у меня особенная. Тёмно-коричневого цвета. Многолетний кофейный налёт внутри придаёт даже слабой заварке приличный вкус. Примерно, как прогоревшее масло на старых чугунных сковородках не даёт пригореть мясу.

Мясо... Что-то жрать захотелось. Было бы поспокойнее, смотался бы в кулинарию напротив, но не сейчас.

Открывается дверь, и в кабинет wpłyвает огромный и вальяжный, как круизный лайнер, Денис Евгеньевич. Неторопливо оглядывает диспозицию и останавливает королевский взор на Анжеле. Та незамедлительно краснеет и с готовностью выпячивает бюст.

– Анжела Олеговна, – голос у него отлично поставленный, как у оперного певца, баритон. – Необходимо привезти со Знаменки корреспонденцию. Сегодня тридцатое.

Разворачивается и уходит, не дожидаясь реакции. А что? Ему можно. Анжела старается, чтобы никто не заметил, как она суетится. Но через минуту, я как раз пару глотков успел сделать, кидает на меня заинтересованный взгляд. Потом тщательно делает вид, будто осматривает остальных в кабинете. Но по лицу видно, что почётная миссия по спасению рекламных буклетов и прочей макулатуры будет возложена на меня.

– Седловой! Ты всё слышал.

Ну кто бы сомневался? Она же изначально всё уже решила и крайний именно я. Как, впрочем, всегда. Эх, тяжело, когда начальник – дура. Был бы мужик, можно было объяснить, что разули, аванс под это дело выпросить... Хотя, вон, Денис Евгеньевич заходил. Ну и что бы я ему сказал? Ага. А он бы посмотрел на меня и ответил: «Ходи пешком, это полезно». Блин. Ему полезно, это да. А я пока ещё... вот будет мне тоже сорок, и я, может, отращу себе шикарную лысину во всю голову и живот на зависть знакомым дирижаблям.

Но! Есть в этом и хорошее. Знаменка, конечно, недалеко. Но кто мне мешает заскочить домой и быстренько навесить летние колёса? Хоть Дашка успокоится. Эх, стекло бы ещё... Точно!

Едва вылетаю из здания, сразу лезу в карман за телефоном.

– Давид?

Давид, с крайне редкой для Армении фамилией Хачикян,

это парень, с которым мы на двоих снимали однушку, пока я не познакомился с Дашей. Он автомеханик, и неплохой. Во всяком случае, Лансер знает, как бутылку Арарата. Он же его и выбирал. А потом пару раз по мелочи ремонтировал. Первый, когда я в сугробе открытый сливной люк поймал и в результате потекла амортизаторная стойка. А второй, когда я неудачно отъезжал и зацепил задним бампером за низенький железный барьерчик. Ну, не видно его было в зеркале.

Вот, похоже, теперь будет и третий. Он сразу же согласился заменить боковое стекло и даже не против подождать оплаты до десятого. Есть всё-таки хорошие люди на белом свете.

Стою в подъезде на площадке и стараюсь как можно тише открыть ключом входную дверь. Лучше будет, если Дашка увидит меня позже, уже когда я с колёсами назад пойду. А то опять крику будет, мол, натоптал, испачкал...

Замок даже не щёлкнул. Хороший из меня бы вышел домушник. На цыпочках прохожу в комнату и замираю. Из спальни слышен довольный Дашкин смех, а потом нарастающие крики.

– Да! Да! Мой лев! Порви меня в клочки!

В ответ рык и хохот в два голоса. Ни фиги себе... Осторожно подкрадываюсь, чуть приоткрываю дверь...

На стене, прямо напротив получившейся щели, висит большое зеркало. В нём я вижу Дашку. Она на кровати, на коленях, уткнувшись лицом в подушку. Руки девушки свя-

заны за спиной в локтях. Кажется, её любимыми розовыми колготками. Узел ещё такой несерьёзный, с двумя бантиками, как шнурки в детском саду. Рыжие волосы разметались по постели, между прядями иногда мелькает счастливый голубой глаз и улыбка. Щёки красные.

А на ней... Кто-то чёрный, волосатый. А на голове, закрывая и лицо, и шевелюру, мохнатая рыжая львиная маска, в руке тряпочный пояс от моего халата. А вот на левой лопатке очень мне знакомая татуировка. Гора, за ней восход солнца и сверху орёл. Всё в цвете, а внизу надпись по-армянски. Помню, Давид ещё хвастался, что ему эту татушку набил какой-то офигенно модный мастер за ремонт своей машины.

Не меньше минуты стою в ступоре, слушаю, что происходит в спальне. В голову лезут всякие дурацкие мысли. Например, что со мной она так не кричит. Или эти дурацкие колготки на локтях. Вот, почему Давид так сразу согласился и на ремонт, и на отсрочку оплаты. Дрожащей рукой прикрываю дверь обратно.

Сердце почти не бьётся. Да, я, похоже, даже дышать забыл. Медленно, стараясь не шуметь, выхожу на лестницу. И вот тут уже меня прорывает. К горлу подкатывается какой-то нечеловеческий рёв, руки трясутся, ноги не держат. В глазах снова всё двоится и плывёт. Судорожно забрасываю в рот сразу горсть таблеток и сажусь на ступеньку. На душе паршиво.

На негнущихся ногах спускаюсь по лестнице, выхожу из

подъезда и на автомате подхожу к Ленсеру. И стою возле него, как дурак. Ни колёс, ни стекла. Надо было утром хоть полиэтиленом окно заклеить. А то снег пойдёт, будет полный салон.

Да и какой смысл? Какой теперь вообще во всём этом смысл? Хочется текилы. А ведь я ещё даже на Знаменку не съездил. Да и хрен с ней! Уволят, только спасибо скажу. И вообще, мне насрать! Нас – рать! Прохожу мимо машины и не спеша, не реагируя ни на что, бреду в сторону Нормана. Алкомаркет открыт. Ещё бы, обеденное время. Беру бутылку Максимо. Ну вот, теперь денег на карте нет совсем. Чуть не открываю текилу прямо на кассе. Совсем с ума сошёл со своими нервами. Надо же по уму. С лимончиком, солью. Да и присесть бы не мешало. То есть куда-то идти всё-таки придётся. Тут, вроде, японское кафе в двух шагах. Вот только в руках у меня ни разу не sake. Да и вообще, туда, наверное, со своим нельзя. А, пофиг, пляшем. Или как говорят в Питере, «Пренебречь, вальсируем».

Занимаю первое попавшееся место, заказываю неизменную «Калифорнию» и сто граммов. Как только официантка отворачивается, вынимаю из-под куртки бутылку и тайком прямо из горла опрокидываю первый глоток. Фух! Чуть не закашлялся. Кто же так текилу пьёт? Её вообще-то не зря кислым лаймом закусывать полагается и солью. Гадость какая.

Гадость, не гадость, а тепло по телу растекается. И на душе

как-то полегче. Втихаря делаю ещё глоток. Эх, эта уже хорошо пошла. Сейчас бы пару кило каких-нибудь суши. Желательно с жареным мясом и картошкой.

– Что же ты один пьёшь, да ещё и без закуски.

Оборачиваюсь. Ни фига себе. Вот это женщина передо мной стоит. Да если бы её увидела наша Анжела, повесилась бы от зависти на собственном лифчике. Я даже описать не могу, насколько она хороша и сексуальна. Язык отнялся, я только молча вожу рукой над соседним стулом. Садись, мол. Она, к счастью, поняла. Элегантно присела, достала из... я не понял, откуда, пару стопочек, лайм и солонку. Щёлкнула пальцами и тут же у стола материализовалась официантка. Женщина протянула ей лайм.

– Порежь.

Закуска была готова меньше, чем через минуту. Гостья бесцеремонно лезет мне во внутренний карман, достаёт текилу и разливает.

– Ну, за встречу.

Эх, лихо она тяпнула. Пытаюсь сделать не хуже, но дрожащие руки подводят, и я опрокидываю почти полдринка на воротник.

Глава 2

Наверное, если бы я не выпил два хороших глотка текилы, всё пошло бы иначе. Но в голове уже шумело, все неприятности отошли куда-то на второй план. Отомщу, задорно подумал я. Она мне изменяет, а чем я хуже? Хотя... такую роскошную женщину просто так не уговорить. Придётся использовать старый способ – напоить.

– Между первой и второй, – чуть заплетающимся языком провозгласил я, – опрокинь ещё одну.

В ответ незнакомка растянула красивые губы в улыбке, затем запрокинула голову и, показав мелкие, но ровные и белые, зубы, довольно рассмеялась.

Вторая стопка ушла как надо, в почётном сопровождении щепотки соли и кусочка лайма. Вот за что я люблю текилу, так это за убийственное, но приятное сочетание вкусов.

Когда я разжмурился, стопка моей внезапной собутыльницы была тоже пуста. Что-то надо было говорить, иначе начинание со спаиванием красивой дамы утонет в скуке и молчании. Но что сказать? Спросить, как её зовут! Заодно и услышу, не заплетается ли у неё язык. Да и вообще, мне понравился её голос. Едва я открыл рот, как услышал слова незнакомки.

– Как-то оно всё навалилось сегодня, верно? И так жизнь не сахар, но этот понедельник побил все рекорды.

– Тебя... – я хотел спросить имя, но тут же переключился на другой вопрос. – Ты откуда знаешь?

– Работа такая.

– Работа... ну да, ну да.

Идея со спаиванием красавицы уже не казалась такой привлекательной. Что же за работа у неё? И что ей от меня надо? А может, вовсе и не ей? Может, она сама на кого-то работает? Да ну, бред.

Мысли ползли по каким-то невероятным траекториям, выстраивая немислимые в трезвом виде логические цепочки. Вот я подумал, что девушка на кого-то работает, и вот уже представил почему-то группу завсегдатаев бара «Голубая устрица» из фильма «Полицейская академия». Что им от меня надо, понятно. Но зачем?

– Ты никогда не чувствовал себя чужим в этом социуме? – подтверждая мои пьяные догадки спросила девушка.

– Что? Ты вообще, что имеешь в виду?

– Да то, что ты не такой, как все. Другой. Неужели ты этого не замечал?

– Блин, не знаю, как тебя зовут, но теперь даже не хочу знать. Выматывайся из-за моего столика. Мне вообще, сейчас суши принесут. Или роллы, я в них не разбираюсь.

– Не принесут.

– Ну и дура!

Я испуганно огляделся, ожидая увидеть многочисленные осуждающие взгляды. Но моего выкрика будто никто и не

заметил.

– Сам дурак, – не обидевшись, ответила собеседница. – Я с тобой о серьёзных вещах говорю, а ты чушь какую-то несёшь.

– И ничего не чушь. Я не такой, поняла?

В волнении я налил себе текилы и шумно выпил, забыв и про соль, и про лимон.

– Эй, Кирилл, а мне?

Она сделала вид, что обиделась, но по глазам, хоть они и начали двоиться, было заметно, что ситуация девушку забавляет.

– Пусть тебе твои гомосеки наливают. Или ты сама – переодетый мужик, а?

Эта мысль вломила в мозг с напором банковского лектора и тут же заставила вздрогнуть. А что? Сейчас вон, какие врачи. Хоть три раза на дню пол меняй. Да и видел я этих тайских леди-боев. Пока под юбку не залезешь, ни о чём не догадаешься.

Наверное, у меня всё было написано на лице, потому что собеседница снова жизнерадостно рассмеялась и скинула с плеч норковый полушубок прямо на спинку стула. Под ним оказалась легкомысленная до полупрозрачности блузка. Бюстгальтер за ненадобностью отсутствовал. Да, если это и пластический хирург, то, несомненно, высшего класса.

– Я настоящая, – с наигранной обидой сказала девушка. – А ты дурак. Почему-то решил, что я представляю содомитов.

Кирилл, а ты не подумал, что они никогда не доверили бы дело вербовки женщине? Просто из опасения конкуренции.

– Я?.. Конкуренции?..

В голове была каша, причём из трёх мыслей сразу. О том, что, возможно, она права, о том, что мы с ней ещё не представлялись, а имя моё девушка знает. И, возможно, не только имя. И последняя мысль о том, почему так долго не несут заказ.

– Так что ты ответишь на мой вопрос?

Точно. Она же что-то спрашивала. Только я уже не помню, что. Но в любом случае, что бы мне ни предложили, я откажусь. Даже если...

– Кирилл, мы можем продолжить нашу беседу в более уединённом месте. Там ты не будешь настолько смущён, и мы сможем пообщаться поближе.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Она что, мысли читает? От этого предложения тоже отказываться? Она же чётко даёт понять, что согласна на секс. Стоп... Значит, что-то здесь нечисто.

Я уже собирался встать и уйти, когда все подозрения оказались смыты простой мыслью. А почему бы не спросить у собеседницы, что она хочет предложить? Но сначала...

– Ты моё имя знаешь, – почти трезвым языком сказал я. – А я твоё – нет. Несправедливо.

– А в мире вообще мало справедливости, – тут же ответила она.

Незнакомка ловким движением разлила текилу и подняла

стопку.

– Ну, за знакомство, Кирилл. Ты можешь звать меня Аиша.

– Аиша, – я покатал имя на языке. – Ты не русская что ли?

– Ты даже не представляешь, насколько.

Она снова улыбнулась, и я подумал, что зубы у неё всё-таки искусственные. Настоящие такими мелкими и ровными не бывают. Мы выпили и немного помолчали.

– Ну так на что ты меня подписываешь, Аиша?

– С этого и надо было начинать. А то навывдумывал чёрт знает, что. Ты сначала ответь, я правильно сказала, неуютно тебе в местном социуме?

– Местный социум... – алкоголь снова взялся за моё сознание, запутывая логические цепочки. – За границу вербуете что ли?

– Ну вот. Опять, – она даже обиделась. – Что же ты на простой-то вопрос ответить не можешь?

– Я не могу? Я могу. Я всё могу.

– Тогда скажи, – она доверительно кивнула.

Я был уже в том состоянии, когда такой кивок означает приглашение к откровенной беседе.

– Понимаешь, Аиша, – мне понравилось, как звучит её имя, и я повторил. – Аиша. День у меня сегодня паршивый. Сначала какие-то еноты, блин, Лансера моего разули. Новая резина, только купил. Ещё и стекло разбили и магнитола выдернули. Потом на работе. Они же там долбодятлы все. Ну,

кроме Борьки. Он просто... Он просто совец. В смысле, финлин.

Я развёл руками, показывая, насколько за один день может измениться человеческая жизнь.

– И? – она поощрительно кивнула.

Я не мог понять, чего Аише ещё надо. И так же, вроде, всё сказал. Долго перебирал в уме ускользающие детали дня, пока, наконец, не вспомнил.

– Да! Спасибо, что напомнила. Мне же девушка изменила. С другом.

– Друг тоже изменил?

– Да. Друг изменил. С девушкой.

– И после этого ты заявляешь, что не такой.

До меня дошла вся двусмысленность сказанной фразы, и я в ужасе закрыл ладонью рот.

– Нет! – срочно надо было спасти положение. – Изменила мне девушка. Ну, моя. Мы с ней спим. В смысле, живём. То есть, жили. Да, вот так. А изменила она с моим другом. А я ещё удивлялся, как это он так согласился легко.

– На что? Ты уговаривал своего друга склонить твою девушку к измене?

– Ты ерунду не говори!

В голове стоял сумбур. Нужные фразы приходилось по одной вылавливать из стаяк бредовых мыслей, что носились в моём сознании, раскачиваемые волнами алкоголя.

– Согласился он машину ремонтировать. Понимаешь, я

звоню, а он на все вопросы «да» и «да». А оказывается, он в это время с Дашкой занят был.

– Как интересно... – она потянулась, отчего соски упёрлись в тонкую полупрозрачную ткань. – Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– На какой?

Чёрт. Точно. Аиша же что-то спрашивала. Так я, вроде, что-то и ответил.

– Тебе неуютно в здешнем социуме? Ты чувствуешь себя не таким, как все?

– А! Да. Вот в самую точку.

– А в чём это выражается?

– Что?

Как-то легко меня текила унесла. Сколько, граммов двести выпил всего и уже заплетык языкается. А главное, мысли ускользают. Вот что она сейчас спросила? Надо узнать.

– Ты о чём?

Подозреваю, что моя пьяная физиономия была более красноречива, чем слова, потому что Аиша нахмурилась. Потом оторвала от лаймовой корки кусочек, сжала его в кулаке, после чего протянула мне.

– Съешь. Это поможет.

Я осторожно положил кусок в рот. Ожидал горько-кислого взрыва, но на вкус корка оказалась как картон. Чуть пожевал и проглотил целиком. А что там, кусочек-то махонький.

Тут же голову будто прострелило молнией. От правого

виска до левого. А когда боль стихла, от опьянения не осталось и следа. Я с удивлением огляделся. Мы сидели всё за тем же столиком, передо мной улыбалась всё та же Аиша. Но что-то изменилось. Или это я изменился.

– Вернёмся к нашим вопросам, – напомнила девушка. – Так что в тебе необычного?

– Ну... – как бы это сформулировать, чтобы и объяснить, и дураком себя не выставить. – Я не умею общаться с людьми. Чуть что, нервничаю.

– А когда нервничаешь? – она сделала руками поощрительный жест.

– Ну что, когда нервничаю? – Я начал волноваться. – Сердце стучит, щёки краснеют. В глазах двоится. Вон, на таблетках живу.

Я достал из кармана баночку и поставил на стол.

– И всё? – кажется, Аиша была разочарована.

Может, ей чего-то необычного хочется? Ну так сейчас я её удивлю.

– А ещё вместе со мной в панику впадает и мой компьютер. Когда я разнервничаюсь, он тоже барахлит. Резонирует, наверно, с какими-нибудь ритмами головного мозга.

Сознание достигло кристальной ясности. Я вспомнил каждый случай нервозности за последний год. Вспомнил все Дашкины взбрыки и тут же увидел их причину. Понял, почему ко мне так относится Анжела, которая Олеговна.

– Это не из-за нервов, – продолжала между тем Аиша.

– А из-за чего?

– Нет резонанса с этой реальностью. Ты ей не принадлежишь.

– Аиша, тебе не кажется, что это бред?

– Ну почему же. Есть научное обоснование. Мы, кстати, работаем именно с этой сферой. И к тебе я подседа именно, чтобы пригласить в наш коллектив.

Она повела плечами. Да уж. Ещё одну Анжелу я не выдержу. Да и не хочется kota в мешке покупать. Сейчас у меня есть работа. Какая-никакая, но деньги платят. Машина, девушка... Я вспомнил разутый Лансер и Дашку с Давидом. Про девушку я, кажется, загнул. Да и про машину тоже. Надеюсь, с работы ещё не выгнали. Стоп. Тогда чего я здесь сижу? Мне бы по-хорошему бежать надо.

– Ладно, Аиша. Спасибо за общение, но мне пора. Надо бы на работе показаться.

– Уже не надо. Тебя уволили. Две минуты, как твой Денис Евгеньевич приказ подписал.

– Но... почему? Как?

– Так Анжела ваша настучала. Очень ты ей мешал. Она любовника своего хотела пристроить, а тут ты.

– Но... откуда ты всё это знаешь?

– Я же говорила, работа такая. Мы работаем с вероятностными течениями. Потому и ищем людей вроде тебя, тех, кто может резонировать не только с окружающей реальностью.

Аиша рассказывала что-то ещё, но я уже не слушал. Сам

не заметил, как поднялся и вышел из кафе. В голове снова был сумбур. Так, прежде всего, позвонить на работу. Бить себя пяткой в грудь, но отмазаться. Пусть выговор, пусть премии лишают, но при отсутствии собственной квартиры остаться в Москве без работы крайне нежелательно. Сразу же вспомнилась Дашка. Дашка... Да пусть она лесом идёт! Зайду, вещи соберу и в хостел какой-нибудь. Или ещё куда. Не принципиально. Только машину надо забрать.

Через минуту телефон выстрелил очередью СМС-сообщений. Первое было от Бэллы. «Кирилл, Анжела от злости рвёт волосы там, где их обычно бреют. Тебя нет уже два дня. Советую позвонить и отмазаться.». Вот завернула-то, а? Ничего, сейчас позвоню. Но спасибо. Я думал, она только подкалывать мастер. Вот второе. Ага, сама наша королева отпсалась. «Ты уволен». Блин. Лаконично как. Следующие три из банка. Поступления денег. Расчётные. Стоп! Я чуть не подпрыгнул. Какие два дня? Я же пару часов только, как вышел. Смотрю на телефон и с ужасом вижу, как прямо у меня на глазах меняются дата и время. Верно, синхронизация с сетью. Среда. Но как?

Я ничего не понимал. Мы выпили меньше бутылки текилы. Наркотики я не принимаю. Инопланетяне меня не похищали. Что же тогда случилось? И почему сообщения прорвались в телефон только когда я вышел из кафе. Ведь толпой пришли, будто ждали там, на сервере, пока я в сети окажусь. Пока размышлял, ноги почти донесли мою несчастную

тушку до Кунцевской. Вот мелькнул слева театр «Акварин», и я вышел на платформу. А куда я, собственно, собираюсь ехать? Домой? Хотя, назвать домом съёмную квартиру, где живёт моя бывшая девушка как-то язык не поворачивается. Тогда на работу? Но меня, вроде как, уже рассчитали. Но куда?

Ладно, уволили или нет, но надо разобраться. Еду на работу.

Да, зря я принял такое решение. Денис Евгеньевич даже разговаривать не стал. Принюхался, спросил:

– Текила?

Ну, а я кивнул. А что ещё сказать в такой ситуации? А он ещё так улыбается, мол, ни одному слову не поверю. Развернулся я, да и пошёл на выход. А у самого снова в глазах двоится, сердце колотит... Пропуск сдал и только тогда почувствовал, что всё, я больше не являюсь частью большого и дружного коллектива, где все призваны сообща решать поставленные перед подразделением задачи. Ну и так далее. Нам подобную фигню первые три месяца каждый понедельник на тренингах втирали.

И дома у меня тоже больше нет. Единственное, что осталось – машина. Но не в ней же жить. Я присел на слегка влажную от тумана лавочку и полез в сеть. Оказалось, здесь даже наш вай-фай ловится, то есть деньги на трафик тратить не надо.

Больше часа я рылся по сайтам объявлений, но прилично-

го хостела так и не нашёл. Из двух десятков тех, кто рекламировал себя в интернете, пятеро вообще не ответили на звонки, двое сказали, что затеяли в межсезонье ремонт и предложили позвонить через пару недель. А у остальных банально не было мест. Нашёл койку на послезавтра. Но ведь и до этого времени надо дожить.

– Вот я и бомж, – подвёл я итог вслух.

Пока добрался до машины, уже стемнело. Я твёрдо решил, что бы эта дура ни говорила, тупо зайти, забрать колёса, собрать вещи и уйти. А там, может, повезёт. В салон какой увезется, или к Давиду своему.

Возле машины было шумно. В темноте двора там крутились четверо каких-то ублюдков, звенели бутылки и слышалась не вполне связная речь, обильно сдобренная идиомами из великого и могучего.

Четверо. И окно разбито. А мне так и так к машине нужно. Надо же колёса поставить. Может, пока я вещи буду собирать, они куда-нибудь переместятся? Или нажрут в хлам? Главное, чтобы Лансер не разбили.

– Опа, а вот он нас и покатает, – донёсся весёлый, и что удивительно, трезвый, голос.

От компании отделился один и вразвалочку пошёл ко мне. Так. Ни ножа, ни даже палки какой у меня нет. Да уж. Сейчас дворы убирают так, что окурок найти и то проблема. А я даже бутылку с остатками текилы не прихватил. Нечего в руку взять.

К первому присоединились остальные. Сердце вновь забухало, дыхание участилось.

– Ну, ты чего застыл? Не видишь, народ кататься хочет. Давай, заводи бибику, поехали к тёлочкам.

– Ты слепой? – спрашиваю. – Не видишь, машина без колёс. Куда ты на ней ехать собрался?

Хулиганы уже начали двоиться в глазах. Причём первый, тот, кто наехал, стал серым, будто цвета выключили. И лицо. Такого я раньше не видел. У двойников оказались разные черты лица. Одно молодое, а второе лет сорока или даже больше. Вот это меня вштырило с моими нервами!

– Ну, раз сам везти не хочешь, тогда на такси повезёшь. Ты же оплатишь дорогу? Или тебе пару сотен для хороших людей жалко?

Он подошёл, протягивая одну руку, видимо, чтобы приобнять меня за шею. В другой что-то блеснуло.

Сердце колотило, будто собиралось выскочить из груди. Он взял меня за куртку прямо под подбородком и легко, без видимого напряжения приподнял над землёй. Ощущение очень необычное. Опора уходит из-под подошв, ты понимаешь, что висишь. Начинаешь болтать ногами, неосознанно пытаешься достать до земли, но всё бесполезно. Я замер. Только колотило сердце. Если этот бандит так легко поднял семьдесят кило, они же сейчас вчетвером меня наизнанку вывернут.

– Ну что? Угостишь земляков? – сказал он странным, по-

рыкивающим голосом.

И тут возле нас пронёсся тёмный вихрь. Я тут же получил удар по пяткам и плюхнулся на задницу. Трое, стоящих в небольшом отдалении, как кегли повалились в разные стороны. А тот, который держал меня на весу, согнулся, зажимая ладонью горло.

Через секунду передо мной стояла Аиша. Она быстро меня осмотрела, схватила за руку и поволокла со скоростью электрички. Через пару секунд мы уже сидели в ЛендРовере, который нёсся по тёмной московской улице.

– Это ты всё подстроила? – угрюмо спросил я.

В ответе я был уверен. Конечно же, раз пыталась меня на что-то подписать, а я просто ушёл. Вот и обиделась.

– Кирилл, они тебя по голове не били? Что-то ты, похоже, заговариваться стал. Мы такими вещами не занимаемся. Мы серьёзная организация.

– Да что за организация вообще? Что ты меня сегодня весь день вокруг да около водишь? Скажи прямо.

Она круто вывернула руль, и мы въехали на Рождественку. Аиша тут же нырнула на подземную парковку, загнала машину в самый дальний угол и показала мне на пустую стену.

– Да вот же. Неужели не видишь?

Я вышел, подошёл поближе. Стена, как стена. Краской крашенная. Ни дверей, ни окон. Да и какие окна, три метра под землёй. Я даже потрогал рукой, но ничего не обнаружил.

Аиша подошла и встала сзади. Я почувствовал холодные ладони у себя на затылке.

– Расслабься.

Голос был необычный и очень доверительный. Таким голосом невозможно врать. Ему хотелось верить и повиниться.

– Попробуй быть ближе ко мне, почувствовать. Я сделал шаг назад и упёрся затылком в её подбородок.

– Да не физически, – Аиша коротко хохотнула. – Давай, разгоняйся до моей частоты, резонируй.

У меня не получалось. Я вообще не представлял, чего она от меня хочет и это нервировало. Сердце снова начало стучать как в барабан, в висках появился посторонний шум.

Внезапно стена тоже раздвоилась, и на одном двойнике я чётко увидел массивную металлическую дверь. Видимо, я дёрнулся или как-то иначе выдал своё удивление, потому что Аиша наклонилась и удовлетворённо чмокнула меня в темя.

– Идём, – сказала она и протянула руку.

Странное это ощущение. В одном глазу дверь открылась, а в другом её вообще нет. Я прикрыл левый глаз. Всё равно двоится. А вот этого уже не может быть. Я глубоко, как перед прыжком в воду, вдохнул и сделал шаг вперёд.

За дверью оказался очень такой себе немаленький холл. Чем-то на автосалон похоже. Большие окна, из которых бил яркий полуденный свет, прямо передо мной длинная, загнутая стойка, за которой смотрели в мониторы трое охранни-

ков. Возле стен стояли диваны, пара кофейных автоматов и урна, приспособленная под окурки.

А дальше, за стойкой, белая, похожая на мрамор стена, в которой посередине была широкая красивая двустворчатая дверь, а по краям две попроще.

– Привет, – один из охранников поднял глаза и с улыбкой посмотрел на Аишу.

Та покрутила пальцем в воздухе и вопросительно махнула подбородком.

– У себя. Он вас ещё вчера ждал.

– Ну задержались, – неопределённо ответила она и снова схватила меня за руку. – Побежали.

Едва дверь за нами закрылась, я спросил:

– Так что это всё-таки за место? Что ты работаешь в какой-то спецслужбе я уже понял. Скажи хоть, куда меня завербовали?

– Не завербовали, а пригласили на работу. Это Д.А.Р.

– Что? Какой дар?

– Департамент Ассоциированных Реальностей. Сектор Сварга, если точнее. А совсем локально, Московское региональное управление.

Пока я переваривал эту информацию, мы влетели по лестнице на следующий этаж и Аиша вежливо постучала в ближайшую дверь.

– Входите оба, – послышался молодой, мелодичный мужской голос.

Я ожидал увидеть приёмную с усталым, или наоборот, довольным, секретарём. Причём, мне почему-то виделась пишущая машинка, которые я вообще, только в кино видел. Но оказалось всё совсем по-другому.

Мы попали сразу в кабинет. Надо сказать, огромный такой кабинет, размером с хоккейную площадку. Почти от двери и до дальней стены шёл длинный, как кегельбан, стол. За другим концом стола сидел молодой человек с длинными чёрными волосами. Пока мы пересекали кабинет, он с улыбкой поднялся и протянул мне руку. Я машинально пожал.

Рука была тонкая, музыкальная. Я взял её, боясь сильно сжать, но в ответ получил крепкое мужское рукопожатие.

– Ну как? – спросил хозяин кабинета у Аиши.

– Пока никак, – ответила та. – А вот на Мичуринском...

– Знаю. Уже поехали.

Они синхронно кивнули. Черноволосый выпустил мою руку и наконец обратился ко мне.

– Меня зовут Алагантар Алтонзек, – сказал он. – Но ты можешь называть меня Антарий Захарович, как большинство ваших. Я привык.

– А фамилия? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Келвин.

Глядя на мой открытый рот Антарий Захарович рассмеялся. Смех у него был задорный, молодой, такой, что хотелось подхватить.

– Я не русский, – сквозь смех пояснил он. – И даже не

человек.

Я всё-таки сел на ближайший стул. Вся эта история напоминала какой-то фарс. Сначала мегасексуальная девушка, с которой я теряю неизвестно куда два дня, потом хулиган, легко поднимающий мой вес одной рукой. А в конце я вхожу сквозь стену и попадаю в кабинет к... кто он? Не может же этот Захарыч Келвин и впрямь быть нечеловеком?

– Простите, Антарий Захарович, – как можно твёрже говорю я. – Раз уж вы меня сюда привезли, значит, зачем-то я вам нужен. Поэтому давайте серьёзно. Кто вы вообще такие?

– Она, – хозяин кабинета элегантно махнул рукой в сторону Аиши, – данаг. Её имя Тироника Умбра. А я – дроу.

– Если вы считаете, что я хоть что-то понял, вы ошибаетесь. Что за данаг? Почему Тироника, если она Аиша? И кто такой дроу?

– Данаг – самоназвание расы вампиров. Аиша – всего лишь оперативный позывной Тироники. А дроу – тёмные эльфы. Уж это-то ты должен знать.

Он отвёл прядь волос, и я увидел бледное, сильно заострённое ухо. Хорошо, что я сидел. Сердце снова застучало, в глазах начало двоиться. Причём, двоился кабинет, но его обитатели оставались чёткими. Через минуту я пришёл в себя.

– Аиша, – твёрдо сказал я. – Или лучше Тироника? А где же твои вампирские клыки? Я видел, как ты улыбаешься. Весь Голливуд бы обзавидовался.

– Вот эти?

Она приоткрыла рот, и я с ужасом увидел, как верхние клыки удлиняются, становятся острыми. Я непроизвольно сглотнул и мелко закивал. Это было иррационально страшно. Ведь ничего же особенного. Да и стояла она от меня в паре метров. А вот увидел, и мороз по спине.

– Ладно. Всё завтра. Аиша, проводи Кирилла, устрой на ночь, а с утра добро пожаловать на учёбу.

Последние слова были обращены уже ко мне. Я понимающе кивнул, хотя уже давно ничего не понимал, лишь собирал информацию в надежде разобраться с ней позже. Я уже почти обернулся, когда...

– Стойте! А как же мои вещи? И машина.

– Обо всём этом не беспокойся. Зубную щётку и бритву тебе дадут, а остальное заберёшь завтра.

Глава 3

Я лежал на широкой, в меру мягкой кровати, положив руки под голову, и глядел в потолок. Сознание безуспешно пыталось собрать всё случившееся за сегодня в какие-нибудь хоть мало-мальски привычные рамки. Шутки со временем и мгновенное протрезвление. Нападение кого-то, способного почти на вытянутой руке поднять мой вес, да ещё и в куртке. А следом мгновенная ликвидация всей банды моей улыбчивой спутницей, которая, как оказалось, вампир. А что здесь необычного? Вампир, как вампир. Вон, на одной квартире со мной вообще эфиоп жил. А главный у нас, значит, дроу. Тёмный эльф, то есть.

Интересно, а сама-то эта компания порождений тьмы «за белых или за красных»? Дроу, вампир... я вот теперь тоже. Вдруг после обучения мне придётся прийти на старую квартиру и съесть Дашку? Так, чисто чтобы зачёт поставили. Я представил себя. Подбородок в крови, всюду вперемежку куски мяса и кружевное Дашкино бельё... «Сиськи в тесте – это вкусно. Захотелось сисек в тесте». Визг ещё, наверное, на весь дом. Бр-р-р... Стало противно.

Интересно, а почему я так легко им поверил? Вампириша она. А если это всё спецэффекты? Зубы, двери в стенах. Или вообще, гипноз. Сейчас встану, выйду отсюда и окажусь на той же самой парковке, только уже раздетый, разутый и без

денег. Хотя... что с меня брать? Две тысячи наличными? Не стоит оно того.

Но в дверь я всё же выглянул. Там оказался всё тот же гостиничный коридор с неярким жёлтым освещением, небольшим лифтовым холлом и дежурной по этажу за столиком в углу. Девушка, заметив открытую дверь, оторвалась от старинного вида книги, посмотрела на меня и улыбнулась.

Стало немного неловко. Будто боюсь чего-то. Я, чтобы хоть как-то объяснить свою вылазку, краснея, подошёл к ней и попросил кофе. Девушка молча кивнула и ловко нырнула в подсобку за спиной. Я глянул на издание. На тёмно-синем фоне строгим академическим шрифтом было написано «Астрид Линдгрэн. Малыш и Карлсон». Ничего себе.

Нет, я бы не удивился, увидев, скажем, «Общую теорию поля» или наоборот, какой-нибудь женский роман. Но Карлсон!

– Пожалуйста.

Девушка стояла передо мной с электрическим кофейником и пачкой кофе в руках.

– Чашки и сахар в буфете. Или вам сливок дать?

– Нет, спасибо. А...

Я снова посмотрел на книгу. Цвет и шрифт остались те же, а вот название изменилось. Теперь это был Пелевин. «Чапаев и Пустота».

– Но... – рука сама протянулась к обложке, лицо удивлённо вытянулось.

– Не советуя трогать, – так же вежливо остановила меня дежурная. – Во всяком случае, без защиты.

– Никогда такого не видел, – изумлённо ответил я.

– Ещё и не такое увидите.

Она снова улыбнулась, и я понял, что разговор окончен. Гружёный кофейными принадлежностями, я вернулся в номер.

Ничего так, жить можно. Когда Аиша привела меня сюда первый раз, я тупо плюхнулся на матрас и начал собирать разбитую в хлам картину мира. Сейчас я решил осмотреться. Одна большая комната с кроватью головой к стене. Кровать огромная, как парковка. Два шкафа. Один закрытый, для одежды, а второй, со стеклянными дверцами, похоже, и есть тот самый буфет. Я сунул за стекло пачку кофе. Место для кофейника оказалось за барной стойкой. Там устроили маленький кухонный уголок со столиком, мини баром, он же холодильник, и раковиной для мытья посуды. Туалет и ванная были отдельными. Да какая ванная! Я открыл воду, мгновенно разделся и нырнул в джакузи. Настоящая, с кучей регулировок и нескользким покрытием. Красота. Надо было сразу так.

И конечно же, в ней я и уснул. Очнулся среди ночи от холода и почти не просыпаясь забрался в постель. Только покрывало сдвинул.

Снилась мне какая-то бредятина. Я прыгал на огромном кузнечике с планеты на планету, а за мной нёсся кот и пы-

тался подстрелить меня из пулемёта. В ушах грохотали короткие очереди по три выстрела: «Бум-бум-бум... бум-бум-бум».

Оказывается, это стучали в дверь. Я кое-как выбрался из постели и открыл.

– О! Это ты так рад меня видеть? – раздался весёлый девичий голос.

Только тут я сообразил, что переместился под одеяло из ванны, не одеваясь.

– Извините, – почти про себя буркнул я и побежал за трусами.

– Можешь называть меня Иветта или Эля. Меня здесь все так зовут.

Только сейчас я разглядел раннюю гостью. Передо мной стояла хрупкая миниатюрная девушка с длинными, чуть вьющимися пепельными волосами и располагающей улыбкой. Очень красивая, в плиссированной юбочке чуть выше колена, как у японских школьниц, и кожаной короткой куртке. В руке у неё был объёмистый свёрток.

А потом я заметил её глаза. Это что-то невообразимое. Чуть раскосые, светло-карие, цветом похожи на запотевший бокал с пивом. Они притягивали. Они звали сжать девушку в объятиях и оградить от всех неприятностей.

– А как тебя зовут на самом деле?

– Тиваниэль, – звонко ответила она. – По-русски это будет «рождённая среди листвы плакучей ивы».

– Ни фиги себе, – вырвалось у меня. – Как я понимаю, ты тоже не человек.

– Только не смейся...

Она так комично сморщила тонкий красивый носик, что я заранее улыбнулся.

– Ну почему вы всегда ржёте, как кони?!

– Да над чем?

– Когда я говорю, что я фейри, все человеки начинают хохотать.

Я, честно говоря, сразу же представил себе бутылочку мощного средства в юбке и с трудом сдержал расползающиеся в стороны губы. Поэтому тут же переключился на «человеков» в её речи.

– Человеки? А почему не «люди»?

– Обычно людьми мы называем всех разумных. Будь то эльфы, дроу, человеки, вампиры. Даже ликаны.

– А ликаны, это кто?

– Хватит болтать. Собирайся скорее. Занятия через час. Хочешь знать, кто такие ликаны, надо было вчера спрашивать, а не ногами болтать, пока он тебя держал. И вообще. Забери у девушки пакет, невежа. Это, между прочим, тебе. Там бельё, ванные принадлежности и всякие тетрадки для учёбы.

Она смешно надула губки, но глаза Элю выдавали с головой. Я спешно ухватил у неё сумку и машинально поскрёб подбородок. Да, пора. Об меня уже можно шлифовать мел-

кие детали. Давид, ещё когда мы жили в одной квартире, помню, завидовал моей щетине. Чёрная, ровная. А у него, несмотря на национальность, какими-то кустами, как у Конфуция.

– Да-да, – Эля заметила моё движение и кивнула, подтверждая. – Иди, приводи себя в порядок. А я пока кофе сварю.

Если бы на скорость проведения утренних процедур проводили чемпионаты, у меня был бы неплохой шанс занять первое место. Очень не хотелось надолго расставаться с Тиваниэль. А ещё сильнее я хотел узнать, что это за такая таинственная раса – фейри.

Из ванной я вышел, можно сказать, на запах. По всему номеру пахло кофе. Возле кровати, кстати я её так и не заправил, стыдища, стоял столик, на нём две чашки и блюдо с печеньками. Ну точно на тёмную сторону будут переманивать.

Кофе оказался как раз, как я люблю. В меру крепкий и не в меру сладкий. Я кивком поблагодарил гостью и спросил:

– Слушай, Эля, а фейри, это вообще кто? Только не обижайся, – спешно добавил я, глядя на её потемневшие глаза.

Она смерила меня взглядом и надменным голосом пояснила:

– Одна из эльфийских рас, – помолчала и продолжила, – Светлые эльфы, если тебе так понятнее.

– Ага. Эльфы. Слушай, а тут вообще люди встречаются?

– Конечно. Например, резонанс у нас будет преподавать

стопроцентный человек. Пьяных Валентин Петрович. И, кстати, если ты не поторопишься, то мы опоздаем на вводную лекцию.

Валентин Петрович оказался похож на Моргунова, чем вызвал непреднамеренное ожидание какого-то веселья. Так и казалось, что он сейчас начнёт шутить. Но уже через пару минут наваждение пропало, и началась обычная, привычная по годам учёбы, лекция. Интересная, кстати.

– Кто из вас, молодые люди, слышал о биоритмах мозга? – Задал вопрос преподаватель.

Я слышал, и не раз, поэтому тут же поднял руку. И сразу испугался. А ну, как спросит что-то более конкретное? А я, кроме их обозначений, и не знаю ничего.

– Похвально, похвально, – обвёл он взглядом аудиторию.

Кстати, аудитория обычная, как в любом нормальном университете, только поменьше. Пять рядов амфитеатром, и все заполнены. Человек пятьдесят, не меньше. Хотя, не так. Разумных пятьдесят, вот. Потому что некоторые были явно не люди. А препод продолжал.

– Как известно, нормальной для этого мира частотой биоактивности является пятьдесят герц. Конечно же с коридором разброса, равным, как и положено, тридцати процентам. А теперь скажите мне, кто знает, какова в этом мире напряжённость эфиромагического поля?

И тут же махнул рукой с разрешающим кивком. Поднялась очень странная девушка с длинными зелёными дреда-

ми, зелёными бровями... Да и кожа у неё была какая-то голубоватая что ли. Она горделиво задрала подбородок и сказала со странным, гортанным акцентом:

– Ноль, тридцать пять дюжин-дюжинных мер.

– Как вас зовут, чудесное создание? – с улыбкой спросил Валентин Петрович.

– Для мира человек мне подобрали имя Далира.

Девушка с достоинством обвела глазами зал и чуть заметно кивнула. А я обратил внимание на её слишком круглые уши. Больше на мышинные похожи, чем на человеческие.

– Спасибо, – продолжал между тем препод. – Далира, раз уж вы в мире человек, то будьте добры, переходите с двенадцатеричной на десятичную систему счисления. А в остальном вы правы. Напряжённость эфиромагического поля в этом мире ноль, пятьдесят одна сотая мерлина. И что это нам даёт?

Зал молчал. Я вообще слабо понимал, о чём речь, кто-то, может, и знал, но не спешил с ответом. Но большинство даже головы пригнули, отчего так и не удосужившаяся сесть Далира казалась одинокой берёзой в поле. Высокая и зелёная.

– Ну, раз никто не знает, позвольте мне.

Преподаватель посмотрел довольным взглядом и пояснил.

– Данная пропорция предусматривает возможность живущим в этом мире существам совершать магические действия. Либо имея врождённую склонность к магии, либо бла-

гоприобретённую.

Это что же получается, я смогу стать волшебником? Блин, Хогвартс какой-то. Осталось раздать всем палочки и посадить на мётлы. Я так задумался об этих возможностях, что даже прозевал продолжение речи Валентина Петровича.

– ... семьдесят герц и даже более.

Интересно, о чём это он? Ясно, что не про переменный ток. Я начал слушать внимательнее. И было, что...

– Таким образом, следует рассматривать любое живое существо не как отдельный материальный элемент, а как совокупность колебаний, связанную одной несущей частотой. И частота эта находится в резонансе с несущей частотой мира. Где это существо, собственно, и живёт.

Я осмотрелся. Студенты сидели, раскрыв рты. Похоже, один я не понимал, о чём идёт речь. А нечего в мечтах плавать. Тут тебе не термех, что сдал и забыл. Разговор-то, похоже, нужный. Ну вот, чуть следующую фразу не прозевал.

– Те, кто может изменять свою несущую частоту, имеют возможность что?

Он даже руками начал водить, подбивая слушателей на ответ. Я чувствовал, что, если бы не прохлопал прошлую фразу, точно бы мог подсказать. А это важно. Из таких подсказок потом автоматы вырастают.

Не дождавшись смелых, препод махнул рукой и пояснил сам.

– Возможность вступать в резонанс с другими мирами. В

других реальностях. Вот, насколько мне известно, многие из вас уже прибыли сюда из иных миров. И при этом не летели веками в звездолётах, прыгая от солнца к солнцу. Вы переместились сюда, когда ваши частоты были искусственно введены в резонанс с нашим миром.

– Но почему мы тогда не ощущаем соседних миров? – голос был писклявый, но, вроде, человеческий.

– Будьте добры, поднимитесь.

Кряхтя и дёргаясь, над столами встал высокий худой парень лет семнадцати. Пьяных подошёл к нему и достал из кармана фонарик. Студент непроизвольно отшатнулся.

– Не бойтесь, – успокоил преподаватель. – Я лишь хочу устроить показательный эксперимент. Это не больно. Вы согласны?

Мальчишка мялся, оглядывался. Вокруг поднялся гул, соседи стали подначивать. Бедняга краснел, бледнел, но в конце всё-таки кивнул головой.

– Сейчас вы будете моргать, а я буду светить фонариком. И больше ничего.

Надо было видеть лицо несчастного. Он не иначе, ожидал, что фонарик похож на гиперболоид и ему сразу же выжжет глаза. Но моргнул.

– Не так, – поправил препод, чем вызвал ещё одну вспышку паники. – Моргайте под счет. Раз – закрыли глаза. Два – открыли. Ну?

– Э... Раз...

Видимо, что-то он всё же сделал не так, потому что Валентин Петрович скривился.

– Одновременно, юноша, – указал он. – Раз и закрыли. Сразу же. Два, и открыли.

– Раз... Два. – неуверенно начал испытуемый, но потом разошёлся. – Раз, два. Раз, два. Раз, два.

Через несколько секунд преподаватель начал гасить фонарик на счёт «раз» и снова включать на «два». Так продолжалось почти минуту. После чего преподаватель убрал фонарь и сказал:

– Спасибо, вы можете сесть. Но сначала ответьте. Фонарь горел непрерывно?

– Да, уверенно сказал мальчишка. – Я его постоянно видел.

Пьяных сделал рукой повелительный жест, и испытуемый сел. Валентин Петрович вернулся за кафедру и довольным взглядом обвёл зал.

– Видите, испытуемому казалось, что фонарь горит непрерывно. А почему?

На этот раз поднялся, как говорят, лес рук. Я тоже хотел ответить и даже непроизвольно приподнялся над сиденьем, но потом передумал. Пусть другие. А то вдруг ошибусь.

– Всё одновременно было, – крикнул кто-то, не дожидаясь приглашения.

– Формулировка не верна, но в целом так и есть. Частота морганий и частота включений фонаря находились в ре-

зонансе, поэтому испытываемый видел лишь одну часть цикла и не представлял о других его частях. Так же происходит и со всеми остальными нашими чувствами. Они находятся в резонансе с внешним миром, потому и можем его ощутить.

Честно говоря, у меня намного поехала крыша от такого заявления. Я до самого конца лекции прикидывал слова преподавателя и так, и эдак, пытаюсь наложить на уже известную мне картину мира. Получалась полная фигня. Мы уже вышли в коридор, а я всё размышлял. Оторвал меня от раздумий только странный человек в сером кителе. Он молча подошёл, сунул мне под нос пакет, заставил расписаться в какой-то книге и так же, ни слова не говоря, ушёл. Я с некоторой опаской разорвал пакет. Там оказалось удостоверение стажёра Департамента Ассоциированных Реальностей. И всё.

А следующая лекция оказалась настолько интересной, что я всё на свете забыл. Предмет назывался «Людоведение». Это сначала мне было смешно, а потом студенты начали рассказывать о себе. Очень, кстати, интересно. Оказывается, эта вечнозелёная Далира относится к расе, называемой «лусуты». Они живут вообще в воде. Она очень увлекательно рассказывала о своём народе. Да и Эля не подкачала. Не представлял, что прямо у нас на Земле, считай, под боком у людей, живёт ещё одна раса. А я вот ничего толкового о цивилизации сказать не смог. Так, мямлил фигню какую-то, даже стыдно стало. Пришлось преподавательнице, милой миниа-

тюрной девушке со сложным именем, продолжать за меня. Так и просидел всю лекцию красный от смущения.

А потом началась настоящая учёба. Как в универе. Я-то сначала думал, курсы здесь какие-нибудь, переподготовка. А оно оказалось гораздо серьёзнее. И главное, узнал я об этом чисто случайно. Шли мы с Элей по коридору и болтали.

Нам из помещения, в принципе, и уходить некуда было. И жили здесь, и учились. Но надо подробнее его описать. С одной стороны, коридор весь в дверях. Прямо через каждый метр. Если не знать, кажется, что сплошной встроенный шкаф. Только вот за каждой из этих дверей целый номер вроде моего. Мне сначала даже непонятно было. Вот как это так? Справа, руку протянуть, дверь Дороти – человечки из Канады, слева, тоже не дальше, вампир Август проживает. А прямо – уже мои апартаменты. Снаружи кажется, не шире шифоньера каждый номер. А внутрь зайдёшь – красота. Студия метров пятьдесят, с кухонной и прихожей зонами, а к ней огромный санузел с джакузи. И ведь у всех так. Я пока в теории резонанса не разобрался, так и не мог сообразить, как этот фокус провернули. И только потом понял, что комнаты наши с разными частотами резонируют, потому и могут находиться в одном месте и друг другу не мешать.

А противоположная сторона коридора – это уже учебная часть. Там аудитория, одна на всех, пара практических классов, лаборатория и комната-перевёртыш. Хитрое помещенье. На входе клавиатура вроде домофонной, и с неё мож-

но любые параметры комнате задать. Она и спортзалом становится легко, и беговой дорожкой. По вечерам её превращают в целый комплекс с танцполом, библиотекой, и кучей других развлечений.

А последняя дверь на этаже – это столовая. Тут нам просто повезло, потому что так, наверное, даже в Кремле не кормят. Любые блюда, что, в общем, не удивительно. Нас же целый десяток различных рас. И у каждой свои пристрастия. Ну и магазинчик там же со всякими носками, косметикой для девчонок, и прочими канцтоварами. Всё, кстати, бесплатно. Я с дуру ума во второй день себе набрал целую кучу тетрадок, носков, две электробритвы ухватил. Потом замучился раздавать.

Но вернёмся к разговору. Именно тогда меня Эля просветила, что учимся мы не на курсах повышения квалификации, а я, оказывается, дурак. Спрашиваю у неё:

– Ты как до Москвы добиралась?

А она на меня смотрит, ресницами своими изумительными хлопает, и в ответ:

– А почему ты решил, что мы в Москве?

Тут уже моя очередь оторопеть настала. Ведь козе понятно же. Да и не уезжал я никуда из столицы, а лишь в дверь вышел.

– А где же?

– Академия ДАР, – отвечает. – Лучшее магическое учебное заведение в обжитом мире.

Я даже за стенку схватился, чтобы не упасть. Вот это меня закинули. И ведь не спрашивал никто. Ни сова с приглашением не прилетала, ни поезд сквозь стену не ехал. Я с минуты, наверное, глазами хлопал, а потом жалобно спросил:

– Как же так? Я ведь и не ехал никуда. Только в другую комнату прошёл.

Эля посмотрела на меня, улыбнулась. А улыбка у неё, это что-то с чем-то. Сразу на душе легче становится. А она меня по макушке погладила и поясняет:

– Так ведь никто, – говорит, – никуда не едет. Тебе рассказать, как у нас зачисление проходит?

Я только закивал часто-часто.

– Обычно в дом приходит куратор ДАР, разговаривает с претендентом, с ближайшими родственниками. И если все согласны, то просто открывает дверь. Я вообще сюда из своих покоев попала. Да и сестра моя так же в своё время.

Таким вот дурацким образом, лишь на второй неделе обучения, я узнал, куда поступил. Глупо... а главное...

– Вот беда-то. А я на той неделе хотел на Арию сходить. Теперь получается, что не получается.

А Эля меня снова по голове погладила. Нет, ради таких моментов не грех и дураком выглядеть. Приятно-то как. А она ещё и успокоила:

– Попадёшь ты на свою арию, не бойся. Это здесь мы уже две недели живём, а в Москве твоей и пяти минут за это время не прошло. В академии время ускорено в сто, а то и

больше, раз. Ты не читал разве?

Вот так я за один вечер узнал больше, чем за обе недели. Нет, потом, конечно же порылся в письменном столе и методичку с правилами пребывания и обучения отыскал, да и вообще, привык. И к комнате-перевертышу, которой всё равно, есть там кто кроме тебя или нет. Хочешь ты, скажем, на пляж, набираешь номер иходишь. А за дверью кусочек песчаного берега в километр и даже прибой в ноги бьёт. И не важно, что за минуту до тебя кто-то в библиотеку через эту же дверь прошёл, а ещё раньше кто-то в тренажёрный зал.

Привык я и к необычным людям, которые жили со мной рядом. Не скажу, что сдружился, но с Августом, например, было интересно поболтать, хоть он и вампир. Заносчивый, правда, но зато очень эрудированный. И где он только не жил. А когда я заикнулся про графа Дракулу, знает ли такого, или это выдумка, он даже расхохотался.

– Нет, Кирилл, – отвечает. – Не выдумка. Я его сам когда-то инициировал.

А как увидел моё вытянувшееся лицо, добавил:

– Только это тайна, так что теперь мне придётся тебя выпить.

Я, наверное, очень глупо выглядел, потому что заржал тогда Август в полный голос, хлопнул меня по плечу, и ушёл.

А ещё через неделю я случайно стал рабовладельцем. Сам в шоке. Причём, не каким-нибудь Себастьяном Перейрой, торговцем чёрным деревом, а из самых лучших побуждений.

И виноват в этом всё тот же придурок Август.

Выхожу я из своего номера и вижу, как этот идиот Эльку бьёт. Не физически, конечно, зачем ему. Он и ментально ударит так, что у меня, например, весь пятый день учёбы до сих пор из памяти стёрт. А тут он протягивает ладонь к её лбу и бедная фейри только – ах! – глазки закатила и плавноенько по стеночке на пол. Студизосусы вокруг как статуи застыли и хоть бы кто девушку на руки подхватил, не то что уж защищать.

Как я тогда в прыжке смог четыре метра преодолеть, сам не понимаю. Но вписал гаду в лоб знатно. Он аж отлетел. И это вампир. Высший, между прочим. Его и пуля не берёт. А тут грохнулся, как кегля в боулинге. А я Элю хватаю на руки и... куда её теперь? Из руководства только куратор курса, которую я в первый день за дежурную по этажу принял. Но её лучше не беспокоить. Нечего конфликт на публику выносить. Так что поднял я бедняжку и к себе. На кровать уложил, пульс послушал. Потом мокрое полотенце на голове пристроил. Вроде, ожила. Дёрнулась девушка пару раз, глазки открыла и меня увидела. Огляделась, покраснела, как банка Кока-Колы, а после, ни слова ни говоря, со всех ног ломанулась из номера.

А мне что? Только лучше. Рад, что она живая. Потому что над такой красотой издеваться никому нельзя. Это же не орки какие-нибудь. Это фейри. Так что сделал я себе кофейку дрожющими руками, и пошёл разбираться, что там с Авгу-

стом у них произошло. А его тоже уже на месте конфликта нет.

На следующее утро всё разъяснилось, на зарядке. Нас же сразу после подъёма в комнату – перевёртыш ведут, стадион из неё делают и мотаем мы круги до полного изнеможения. Во всяком случае, я. Потому что тот же Август все упражнения выполняет легко, играючи. Эля тоже лучше меня справляется. А вот есть у нас дварф, Гриша. На самом деле его по-другому зовут, но человекам он именно так представляется. Так тот бегать вообще не умеет. Силовые – залюбуешься. Ему двести кило поднять и над собой повертеть – раз плюнуть. А вот в беге даже хуже меня. Вот и гоняют нас каждое утро, тренируют.

Как раз после бега подходит ко мне Август и свистит еле слышно:

– Извини, я был вчера неправ.

Я глазами похлопал и спрашиваю:

– Это о чём ты?

Он мне и рассказал, как они с Элей спорили насчёт меня, да и всех человеков. Август утверждал, что нам вообще в ДАРе делать нечего, потому что и опыта за короткую жизнь накопить не успеваем, да и по физическим показателям хуже нас только лусуты. А фейри меня защищала. И дошло у них до того, что всадил этот ненормальный вампир ей ментальным ударом в лоб. Клянётся, что не сильно. А я, выходит, ему в лоб засветил так, что тот почти минуту в отключке ле-

жал. И вот теперь он, значит, ко мне с извинениями.

Пожали мы друг другу руки, он впервые мне без своего вечного снобизма улыбнулся, и оба к снарядам пошли. А через полчаса я про этот разговор и думать забыл.

А вот Эля меня на лекциях удивила. Так-то я обычно стараюсь с ней рядом сесть. Она много знает, сестра её, опять же, ДАР заканчивала, правда, на службе не осталась. Ну и кроме того, нравится мне Таваниэль, чего уж скрывать. До встречи с ней я считал, что красивее Аиши никого нет, но после понял, как ошибся. Эля любой красавице фору даст. Само совершенство, ни добавить, ни убавить. А самое главное, всегда готова подсказать, если я что-то не понимаю, а то и списать даст, не зажмёт.

Следующей парой у нас Воздействие было, и я, как в аудиторию вошёл, сразу фейрочку высмотрел. Присаживаюсь рядом с ней, а она... обычно улыбнётся, кивнёт, а то и скажет что-нибудь приятное. А тут покраснела, отвернулась, будто нет меня. Да ещё и холод от неё сразу повеял. Не иначе, что-то из своих сестрёнкиных штук применила. Так что сижу я, глазами хлопаю и ничего понять не могу. Как же так? Вроде, не обижал, наоборот, обидчику отомстил, и мне же за это вот такое вот спасибо.

А главное, тема была, которая мне никак не давалась. Энергетические потоки. Вот не мог я их разглядеть, как глаза ни пучил. Так и просидел всю лекцию дурак дураком. Да и остальные тоже.

Вечером никуда не пошёл. Я три дня назад открыл для себя интересный код на двери перевёртыша. Он ведёт на ночную парковку возле какой-то Меги. Но не в Москве. И стоит на этой площадке одинокий открытый Форд Мустанг. Так что я два дня подряд по вечерам жёстко дрифтовал в своё удовольствие.

А тут никакого желания. Сажу в номере, конспекты перечитываю. Вдруг стук в дверь.

– Да, – отвечаю.

Дурная у меня привычка. Я что по телефону вместо «Алло» «Да» говорю, что тем, кто за дверью. И тут Эля входит. Я сразу же расцвёл, заулыбался. А она глазом на меня исподлобья стрельнула и просит:

– Погаси свет, пожалуйста.

У меня и мыслей никаких не возникло. Хлопнул дважды в ладоши, лампочка и потухла. Только из ванной тонкая светлая полоска поперёк комнаты.

И тут девушка молча, будто по принуждению, разделась. Вот вообще до гола! На кровать легла, и замерла по стойке смирно. Ножки стройные вместе, руки по швам. Лежит, губы дрожат, глазки закрыты.

Честно скажу, я сначала даже шевельнуться не мог. Тупо стоял и рассматривал это совершенство. А она лежит, не двигается. Только покраснела вся до самых пяток. Кажется, даже корни волос покраснели. Через какое-то время я начал соображать. Быстренько покрывало на неё накинул, рядом

присел.

– Эля, ты чего? – спрашиваю.

И тогда её как прорвало. Зарыдала, на живот перевернулась и давай в подушку завывать. Минут пять я её слушал, только потом сообразил воды набрать. Она пьёт и всхлипывает. Да жалостливо так. У них ведь, эльфов, такая природная защитная особенность, что когда эльфийка грустит, то окружающим хочется её любыми путями утешить. В общем, только когда успокоилась, всё мне объяснила. Оказывается, я вчера, сам того не зная, взял её в качестве боевого трофея.

Я ничего не понял. Попросил пояснить.

– Ты слышал поговорку «Что с боя взято, то свято»? – спрашивает.

Киваю. Конечно слышал.

– Вот ты меня с боя с вампиром и взял. А по нашим обычаям, если воин женщину в бою взял и в свой шатёр на руках унёс, то выйти она оттуда может только вместе с ним. Потому что теперь ему принадлежит.

– Как это? – переспрашиваю.

У меня просто в голове не укладывается. Даже если принёс, это что же теперь, женщине хвостом за своим спасителем ходить? А фейри только масла в огонь подливает:

– А как, это уже решать только самому этому воину. Или в качестве рабыни, или в качестве суженой.

– Рабыни? У вас что, рабство разрешено?

У меня даже челюсть отвисла. Ведь современная, вроде,

девушка. И анекдоты понимает, и посмеяться не дура. И вдруг такая дикость.

– А у кого оно не разрешено? – спрашивает. – Только у нас всё по-честному. Рабство не за кредитами и обманом прячется, а на виду. Чтобы люди знали, к чему может привести неаккуратность в средствах, действиях и словах.

Она меня этим, конечно, шокировала.

– А если, – спрашиваю, – на улице у вас налетит какой-нибудь хулиган на девушку, схватит в охапку и в шатёр. Что же ей, в рабынях тогда всю жизнь куковать?

– Ты не понял, – говорит. – Это же не в бою. Да и не ходят у нас приличные девушки без сопровождения. По обычаю положено, чтобы либо родственники были, либо свита.

– Да что ты мне всё про обычаи, – говорю. – Что у вас, законов нет?

– А зачем?

Я аж замер. Что же, думаю, за общество такое, махновское? А Эля продолжает.

– Законы люди пишут, ошибаются, себе выгоду ищут. Да мало ли недостатков. Вон, вспомни, неужели у вас глупых законов нет?

Как не быть, думаю. И тут я заметил, что фейрочка-то ожила. Деревянность из жестов пропала, голос нормальный стал. Да и смотрит на меня уже как обычно. И так мне от этого хорошо стало.

– Ты, – говорю, – одевайся. Нечего мне кровать пролёжи-

вать. А я пока кофейку сварю. А законы есть у нас глупые, куда ж без них.

Ну и ушёл в кухонный уголок. Слышал только оттуда, как Эля рассказывает, что обычаи – это не законы, они поколениями складывались, и все ошибки из них со временем сами выпали.

А потом мы кофе попили, и я её проводил, радуясь, что мы так легко этот инцидент замяли. Только оказалось, что рано я радовался, и фейри вечером снова пришла. Встала у дверей, край юбочки руками мнёт, качается, как осинка на ветру, и смотрит на меня извиняющимся взглядом.

– Эль, – говорю, – ты чего?

А она опять покраснела, губы покусала немного и отвечает:

– Зря ты меня вчера к себе отправил. Всё равно весь курс уже знает. Ко мне сегодня все девчонки хотя бы по разу подошли и спросили, как ты в постели. А когда я начала говорить, что ничего не было, они только смеются. Да и кто поверит? Обычаи-то у большинства рас схожие.

Я даже сказать ничего не мог. Сидел оторопело в кресле и на неё смотрел. А она меня знай, уговаривает.

– Так что считается, что ты мой хозяин, а я твоя раба. А я так не хочу.

– И что теперь? – спрашиваю.

Хотя прекрасно понимаю. К чему такие разговоры ведут. Да и девушка на месте не стоит. Подошла ко мне, на колени

села, обняла. Мужчины мою реакцию легко поймут, когда первая красавица сама ластится. Так что уже через пять минут мы в постели очутились. Легла моя ненаглядная на спинку и снова по стойке смирно. И смотрит на меня с каким-то тревожным ожиданием. Понятно...

– Это у тебя первый раз? – спрашиваю.

Она аж засветилась красным, так засмушалась. И кивает мелко-мелко. Ну что ж... Будем натаскивать девушку.

Зато на следующий день оба были счастливые, весёлые. А Элька аж светится вся от удовольствия. И вот, что я ещё заметил. Оказывается, почти все наши уже на пары разбились, может, кроме нескольких разумных, совсем уж экзотических, вроде Далиры.

Учёба у меня тоже лучше пошла. Во всяком случае, энергетические потоки я в тот же день разглядел. И всё благодаря моей красавице. Весь вечер она меня натаскивала, а я никак не поддавался.

– Не могу, – говорю. – Уже глаза болят, а всё равно ничего не вижу.

– Ты их закрой, – поясняет.

– А как же тогда смотреть?

– Попробуй представить. А как получится, следи за движением энергий.

И тогда у меня всё вышло. Зажмурился я и вообразил себе нашу комнату. И почти сразу увидел, как её разноцветные лучи, нити, а кое-где и целые световые шнуры пронизывают.

Некоторые на месте стоят, какие-то движутся. Повернул голову в сторону Эли, а она будто розовой дымкой окутана. На себя посмотрел. Тоже в дымке, только разноцветной. И зелёные там искры, и коричневые. Красных и синих тоже много. Это, получается, я впервые ауру увидел?

Сдал я наконец-то зачёт по Воздействию, да и общая успеваемость повысилась заметно. Фейрочка-то моя много чего из программы от сестры узнала, так что всегда подсказать могла, а иногда и простыми словами объяснить.

Глава 4

Теорией нас пичкали целых полгода. Причём, внушаемые знания были настолько непривычны, что старая моя, знакомая с детства, картина мира расплзлась по швам. Я уже не верил в твёрдость стен и мокроту воды, ощущал себя не человеком, а каким-то нереальным полу-энергетическим существом. Отчётливо это проявлялось, когда я сам пробовал выйти из резонанса с миром. Оказалось, что все мои нервные припадки, что я так настойчиво гасил успокоительным, это рефлекторные действия подсознания, попытки уйти из реальности, доставляющей такие неприятности.

Но в целом было очень интересно. Особенно, когда я наконец смог обогнать Августа. Он после той памятной затрешины вообще стал с бóльшим уважением относиться к людям, но окончательную точку поставил наш с ним забег на сто метров.

Я к этому времени разобрался в причинах своего нервного возбуждения, иногда даже использовал его во благо, разгоняя восприятие до нереальных прежде скоростей, так что спор этот начал сам.

Август всё твердил, что никогда ни один разумный человеческой расы не сравнится с вампиром в скорости, ну я и побился на бутылку текилы. Встал в начале дорожки и давай сам себя накручивать. Да так, что сердце стучало со скоро-

стью швейной машинки. Даже звуки чуть ниже ощущались, поэтому я среагировал на команду «Марш» не сразу – непривычно басовито она прозвучала. Но ломанулся, как никогда раньше. Что интересно, пока бежал, заметил, что цвета вокруг синее стали.

Понятно, затормозить вовремя не смог – инерция великовата. Влетел в стену. Лоб разбил до крови, но это мелочи. Зато я его обогнал. Я! Обогнал! Вампира!!! Пусть пульс колотил, как пулемёт, в ушах свистело и воздуха не хватало. Пусть я упал без сил через секунду после остановки. Но я это сделал. Даже как-то не очень верилось.

Позже, когда Август пришёл к нам в комнату, разлил текилу и самолично приготовил для меня никогда ранее не виданные бутерброды со сливочным маслом, красной рыбой, и огурцом, я задумался. Понятно, что дольше, чем несколько секунд я такой темп не выдержу. Банально не хватит кислорода в крови. Я же ещё на бегу заметил, что воздуха не хватает. Но иногда и пара секунд могут спасти жизнь.

– Ты меня удивил, Кирилл, – сказал тогда Август, закусывая текилу по обыкновению гематогеном.

Он им всё закусывал, от пива до коньяка. Я сначала смотреть не мог на такое кощунство. А потом привык. А когда узнал, что без гематогена алкоголь на вампиров вообще никакого действия не оказывает, даже проникся.

– У тебя вампиров в роду не было? – продолжал мой гость. Я помотал головой. Откуда я знаю? Наша страна такое вы-

терпела, что сейчас не все в курсе, кто были их родители, не то, что деды и прадеды.

– Не знаю, – говорю. – Может, я вообще орк какой-нибудь.

– Будь ты орк, я бы тебя к себе близко не подпустила, – это уже Эля включилась.

Она текилу не пьёт. Вообще, кроме сухого, ничего не потребляет, да и то какое-то не наше. Я как-то попробовал – так, вкусная водичка. Вообще не вставляет.

– Так, может, ты и не человек вовсе? – настаивал Август.

Очень ему, видать, не хочется неправым оказаться. Он ведь утверждал, что человеку не обогнать вампира, вот и цепляется за соломинку.

– Человек, – отвечаю. – Стопроцентный. Только деревенский. А мы упрямые.

После этого вечера от вампирского снобизма и следа не осталось. Август наоборот, оказался общительным и очень компанейским парнем, хоть и двухсот лет от роду, как я случайно узнал.

А потом настала самостоятельная.

Мы рядом стояли возле двери в незнакомый ранее кабинет. Только что туда вошла первая студентка, та самая лусута Далира. Следующий переминался с ноги на ногу в ожидании.

– А что это вы здесь замерли? – к группе незаметно подошёл Валентин Петрович.

Ребята загалдели, наконец кто-то высказал общую мысль:

– Нам велели по одному заходить в этот кабинет. Вот, стоим, ждём, пока Далира выйдет.

– Не ждите, – усмехнулся преподаватель. – Велено по одному заходить, вот и заходите.

Студенты переглянулись, и в дверь ввинтился следующий.

Когда очередь дошла до меня, все уже входили спокойно, как в автобус. Нырнул за дверь и я. Сначала меня окутал густой, руки не видно, туман, но я сделал ещё шаг и оказался в самом начале дорожки, сложенной из бесформенных каменных плит. Она вела куда-то вперёд и терялась в белой дали. Вокруг ничего не было. Вот вообще ничего. Даже тьмы. Смотришь в пространство неопределённого цвета, и ясно – нет там ничего. Я сделал шаг в сторону и непонятным образом очутился на той же самой дорожке. Развернулся и увидел на месте двери плоскую гранитную плиту, похожую на обелиск. Потрогал. Настоящая. Попытался заглянуть за неё, но сколько бы шагов ни сделал, так и стоял в начале дорожки. Ничего не оставалось, кроме как идти вперёд.

Видно было не больше, чем на пять шагов. Вообще, ощущение, будто в мультике. Всё нереально. Пришлось попробовать разглядеть энергопотоки. Зря что ли Эля меня натаскивала целыми вечерами. Да и экзамен я на отлично спихнул. Но здесь это не имело никакого смысла. Силовые линии в этом пространстве имели форму яйца со мной в середине. То есть закруглялись, замыкаясь на себя и двигались по мере моего прохода по дорожке.

Я уже топал, забывшись, разглядывал по пути энергопотоки, как вдруг что-то постороннее вошло в пространство. Пришлось срочно переключаться на обычное зрение. Глаза, то есть, открывать. Не умею я пока ещё одновременно в двух режимах смотреть.

Вовремя успел. Ещё секунда и мне бы голову откусили. Потому что стоит передо мной какая-то тварь, ростом под три метра и с крокодильской челюстью. На тираннозавра из фильма похож, только поменьше.

Я очень удачно поднырнул под клацнувшие зубы и попробовал пробраться понизу, почти подмышкой у твари. Но ящер легко отбросил меня назад. Да уж. Лапища у него будь здоров. Плечо будто наркозом схватило – вообще чувствительность пропала. И правая рука не слушается.

– Р-раф! – раздалось над головой.

Эта тварюга, пока я руку пытался размять, ко мне шагнула и прямо надо мной рыкнула. Да неожиданно так, я аж подпрыгнул и на попец плюхнулся. Отбежал на несколько шагов, скрючившись, и сижу, смотрю.

Нет, не догоняет. Наоборот, туман понемногу зверюгу скрыл, и опять пустая дорожка, и я на ней. Сижу, руку разминаю. Думаю...

Ящер этот за мной не кинулся. Более того, я уверен, что он материализуется только тогда, когда я пересекаю определённую точку. Значит, надо её не пересекать.

А чего вообще от меня хотят? Чтобы я этого крокодытла

победил? А может, чтобы до конца дорожки дошёл? Или мне вообще, надо продержаться здесь какое-то время? Нет, это вряд ли. Тогда бы этот зелёный от меня так просто не отстал.

Значит, два варианта. Или дойти до конца дорожки, или победить это пресмыкающееся. Тем более, подозреваю, что первое без второго никак не получится.

А значит... ускоряюсь. У тут же падаю. Чёрт, плечо болит-то как. Но останавливаться нельзя. Ещё попытка... вперёд!

Я почти успел. Проскочил между раскинутыми лапами чудовища, перепрыгнул через тяжёлые ноги. Но напрочь забыл про хвост. И тут же получил пушечный удар по коленям.

Бам!

Мгновенно конечности охватила взрывная боль. Даже сравнить не с чем. Будто бомба в ногах. Голова закружилась, я закричал и сразу же замолк – рухнул плашмя лицом на шершавые камни.

Ещё и физиономию себе расквасил. Да так, что ни рот не открыть, ни вдохнуть. Боль поднимается волной уже до поясницы и тут я чувствую, как новая вспышка, теперь в районе груди просто выбрасывает меня с места падения. Я отлетаю в сторону и вижу себя же, лежащего на дорожке, с проломленной спиной, из которой, зажатая рёбрами, словно капканом, торчит нога ящера. Ещё и кровь вокруг растекается. Лениво так...

Боль стихла почти сразу, но остановиться я не смог. Меня

уносило куда-то вниз, в мерцающую неярким светом огромную трубу. Скорость всё нарастала, я летел, как в компьютерной игре, пока не плюхнулся с размаху, чуть не отбив ладони. Лбом тоже приложился неслабо, хорошо, хоть не до шишки.

Поднял голову и увидел прямо перед носом чёрный камень обелиска. А под собой всё те же надоевшие до боли бесформенные камни дорожки. Я, кряхтя, поднялся. Вокруг та же самая белая муть, под ногами самое начало моего провального квеста. А впереди, как я понимаю, ждёт ящер.

Ощупал себя. Вроде, всё целое. Ноги в порядке, от дыры в спине не осталось и следа. Даже плечо не болит. Получается, меня вернули в исходную точку в исходном состоянии.

Я сел, опёрся спиной об обелиск и задумался. Логично, что что-то я делаю не так. Выход должен быть, иначе что это за самостоятельная работа? Значит следует мыслить в другом направлении. Но сначала вспомнить, что предмет называется «Вибрационное воздействие». Здесь есть, на что воздействовать? Есть – яичная структура энергопоток. И как это делать, нас тоже учили.

На этот раз я попытался рассмотреть ящера энергетическим зрением. Он выглядел как объёмная фигура из разноцветных неоновых ламп, вокруг которой сияло багровое полупрозрачное свечение. Места основных соединений имели вид ярких светящихся узлов. Я мысленно ткнул в один из них, там, где левое колено, и зверь послушно рухнул на

три точки. Раздался рёв. В мою сторону полетел пылающий красным неоновый хвост. Его движение угадывалось гораздо раньше начала. Конечность перед тем, как куда-то двинуться, загоралась ярче.

Весь хвост был усеян светлыми точками узлов, поэтому я ткнул наугад. Крокодил снова заорал, уронил хвост на дорожку и попытался достать меня зубами.

Через пять минут бедное животное беспомощно распласталось на камнях и только порывивало в бессильной злобе. А я весело двинул дальше. Была даже мысль начать насвистывать что-то вроде «А нам всё равно...»

Дорожка круто изогнулась и передо мной появился точно такой же ящер. Если бы я не был уверен, что оставил прошлого сзади, то решил бы, что это снова он. Ну, или его брат близнец.

Чудовище радостно клацало зубами и махало хвостом, как довольная собачонка. Едва я показался в его поле зрения, как зверь кинулся навстречу, видимо, не дожидаясь, пока я начну отключать его конечности.

Наверное, всё-таки тот же самый, уже знающий, чем грозит промедление, потому что двигался он очень быстро. Я уже привычно оттянул энергию из лап и хвоста животинки, перепрыгнул через печально ревушую пасть и пошёл дальше.

Стоит ли удивляться, когда всего через минуту я снова вышел к знакомому крокодилу? Мгновенно вырубил его и, задумавшись, присел рядом. Я явно нарезаю круги. И вряд

ли меня сюда послали с целью овладения навыками бесконтактного убийства пресмыкающихся. Тогда зачем? Здесь есть только две видимых цели. Это убийство крокодилов и попытка вырваться. Ну, если не считать возможности регулярных мучительных смертей. Первое, как я понимаю, бесполезно. Значит, следует рвать отсюда когти. Ещё бы понять, как.

Я снова оглядел пространство энергетическим зрением и первое, что заметил – крокодила отпускает. Ещё минута и он снова кинется. Поэтому я сделал несколько шагов назад, пока зверюга не скрылась в тумане. Затем снова огляделся.

Никаких зацепок. Овальный мир без единого узла пересечений. Я мысленно тронул одну за другой несколько линий, но ничего не произошло. Надо искать узел. И может быть он только в одной, ключевой точке.

Обелиск оказался в нескольких шагах. Видимо, всё это время я путешествовал по небольшому отрезку. И да, чёрный камень представлял из себя огромный энергетический узел. Я мысленно присосался к нему и начал тянуть энергию. Тут же все линии растаяли и мир-яйцо исчез.

Я стоял в лаборатории, рядом с тремя ребятами из нашей группы. Пока промаргивался, раздались частые хлопки и возле меня стали появляться остальные студенты. Сразу стало шумно, весело. Ко мне с улыбкой подбежала Эля, повисла на шее и поцеловала в губы.

– Я знала, что ты справишься, – сказала она.

До каникул у нас были ещё две самостоятельных в искусственном пространстве. В одной я изготавливал из энергопотоков ключ по образцу, во второй мы с Августом выступали на боксёрском ринге пара на пару против незнакомых мне разумных. Нас долго били, пока мы не научились подстраиваться под манеру боя партнёра. Зато последнюю схватку мы провели слаженно, как один человек в двух телах. Ни единого мгновения задержки. Раскатали противников просто в блин. И понятно, вывалились в пространство академии с довольными улыбками на лицах.

На каникулах я решил съездить домой за вещами. То есть, не домой, а туда, где раньше жил. Где сейчас Даша живёт. В общем, и так всё ясно, а то сам запутаюсь. Эля напросилась со мной. Я, понятное дело, был ничуть не против. Да и кто бы в здравом уме отказался прокатиться в метро с прекрасной эльфийкой? Тем более, остальные студенты тоже собирались использовать свободное время максимально продуктивно. Август во всяком случае, ехал куда-то в Европу, поглядеть родню.

Куратор группы подвела нас к двери незанятого номера и толкнула её. За дверью был всё тот же белый туман.

– Вы попадёте в квартиру, которую мы снимаем именно для переходов. Это где-то в Москве, где точно, я не знаю. Чтобы переместиться обратно, пройдите в ту же дверь, из которой выйдете.

И мы с Элей смело шагнули в белую мглу.

Я угадал место сразу. Новый Арбат. Пять минут до метро. Мобильник поймал сеть и сообщил, что сегодня четверг, а время одиннадцать двадцать одна. Как и говорил Антарий Захарович, я поехал за вещами на следующий день. Это было очень непривычно. По внутренним часам учёба продолжалась целых полгода, а вернулся в Москву и вижу, что тут и суток не прошло.

– Что за запах? – завертела носом моя фейри, как только мы вышли на улицу.

Я и сам уловил забытые за время пребывания в академии ароматы выхлопа, пыли и гари.

– Москвой пахнет, – сообщил я.

Девушка ещё долго морщилась, привыкая. Ну да, эльфы, они же к техногенной вони непривычные. Зато метро привело мою подругу в восторг. Мы выходили почти на каждой станции и Эля подолгу рассматривала их архитектуру и украшения. Так что до моего бывшего дома добирались больше часа.

Перед дверью квартиры я остановился. По телу прошёл иррациональный мандраж. Хотя, чего бояться-то? Этой дуры? Да пусть хоть охрипнет в своём лае, меня она больше никаким боком не касается. Я глубоко вдохнул и открыл дверь своим ключом.

– Ну и где ты шлялся три дня?! – с порога накинулась на меня Дашка. – Я все морги...

Я молча отодвинул её в сторону и прошёл на балкон. Бед-

няга оторопело посмотрела мне вслед.

– Доброго дня, – раздался сзади мелодичный голосок и в квартиру вошла Эля. Надо было видеть Дашкины глаза. Такой ненависти я ещё в жизни не встречал. Мы гуськом дошли до балкона.

– Милый, это здесь ты и жил? – с лёгкой брезгливостью спросила феяри.

А потом подошла ко мне, обняла и поцеловала в губы. Я в душе ликовал, хотя старался сохранить невозмутимый вид. Дашка же просто застыла как истукан. Она так и не двинулась, когда мы взяли в руки по паре колёс и пошли обратно. И только в прихожей я оглянулся на остолбенело стоящую бывшую и с ехидцей сказал:

– Льву Давиду привет.

И тут же выскочил на лестницу. Сердце радостно прыгало. Через пару минут, когда я прикручивал колёса на место, с балкона высунулась Дашка. Она долго молча смотрела на нас, слаженно обувающих Лансера. Да и позже, когда мы выезжали со двора, так и не зашла внутрь.

Пока я выкручивал, Эля внимательно смотрела как я кручу баранку, давя на педали. Прислушивалась к звуку мотора. У неё даже уши показались из-под причёски и внимательно вертелись по сторонам, словно у овчарки. Было прикольно видеть, но я старался не отвлекаться от дороги. Во-первых, летняя резина, а во-вторых... не очень как-то мне хотелось перед лицом любимой девушки догнать чей-нибудь багаж-

ник или вообще обнять бампером столб. Неудобно было бы. Наконец, она расстегнула куртку, посмотрела на меня с довольной улыбкой и спросила:

– Вы так ездите?

– Угу, – кивнул я, не отвлекаясь от дороги.

– Но я совсем не чувствую магии.

– Да ну? – мне захотелось приколоться. – Куда же она делась? А в метро как, чувствовала?

– Вроде да... – неуверенно согласилась фэйри. – Но я не уверена. А в этой повозке её нет совсем.

– Подожди, – меня прострелила неожиданная мысль. – А у вас в мире много магии?

– Конечно. Мы же не дикари какие-нибудь. У нас и освещение, и связь, и вообще удобства. И даже повозки похожие есть, только мало, у очень сильных магов.

– Не может быть. И все ваши учились в ДАРе? Но тогда там полпотока должны быть одни фэйри.

– Нет, что ты.

Она вдруг захлопала длинными ресницами и ошеломлённо посмотрела на меня.

– Ты же ничего обо мне не знаешь! Вот я глупая. Сама всё расспрашивала, о ерунде всякой говорили, а о своём мире ни слова.

– Так расскажи сейчас, пока едем. Музыка всё равно нет.

– Здесь и музыка была?

– Была, – печально ответил я. – Только её украли вместе с

колёсами и вон тем стеклом. Так что можешь рассказывать. Нескучно ехать будет.

– А куда мы едем?

Я рефлекторно сбросил скорость и задумался. А правда, куда? На конспиративную квартиру? Я даже не уверен, что там есть стоянка. Выйду опять в Москву и увижу, что сняли и эти колёса или вообще машины нет. Тогда на Рождественку? Всё-таки подземная стоянка. Только вот кто нас пустит в офис? Пропусков-то нет. И вообще...

Мне вдруг очень захотелось покатать девушку по Москве, показать любимые места и просто туристические достопримечательности. В кафе сводить, в кино. Жаль, не лето, а то бы в парк Горького съездили.

Сзади кто-то нетерпеливо библикнул. Я оглянулся и обнаружил, что сбросил скорость почти до нуля. Добавил газку, влился в поток...

– А куда бы ты хотела? Всё-таки другой мир.

– Не знаю. Я бы хотела сама попробовать править этой повозкой.

– Она называется машина. И вообще, это он. Лансер.

– Он живой? Но я не чувствую здесь энергии жизни.

– Нет... ну... не живой конечно. Это я его так называю. А рулить самой... Ты же не умеешь?

– Я подсмотрела. – Девушка внезапно покраснела. – Ты жмёшь правую педаль, чтобы ехать быстрее и левую, чтобы медленнее. А это колесо крутишь туда, куда хочешь повер-

нуть. Правильно?

– В общем, верно. Но без прав тебе на дорогу всё равно нельзя.

– Ну Кирилл, ну пожалуйста...

Не знаю, что за хитрости анатомии у этих фейри, но, когда Эля вот так вот просит, глаза у неё становятся такие... кот из Шрека обзавидовался бы. Я обычно мгновенно опускаю руки и не могу возразить. Но не сейчас.

– Тогда нас остановят и отберут повозку. Правила такие.

– Милый... и что? Никак-никак нельзя? Ну придумай что-нибудь. Ты же умный...

В Химки мы доехали уже затемно. Есть там торговый центр Бренд-Сити, а при нём парковка. В дальних краях очень даже пустая. Особенно под рекламным стендом. Много раз видел, как на ней девочки рулить учатся. Вот пусть и Эля потренируется.

Удивление не спадало с её лица с того момента, как села за руль. Сначала, когда кресло под ней само начало подстраиваться под рост. Понятно, что это я нажимал кнопки электропривода, но эльфийка была в шоке.

– А что надо сказать, чтобы поехать?

– Ничего. Просто поверни ключ.

Через минуту Эля уже рассекала по парковке, всё больше наращивая скорость. Сначала я боялся, что она врежется в столб, но девушка виртуозно объезжала все препятствия. И даже когда перед нами неожиданно высунулась задом отъез-

жающая машина, феэри лишь невозмутимо крутанула руль.

– Надо же, ни за что бы не подумал, что ты первый раз за рулём. – с уважением заметил я.

– И вовсе не первый, – девушка счастливо улыбалась. – Думаешь, у нас дома магической повозки нет? Дом Зеркального Пруда, между прочем, самый богатый в Лесу. Опять же, мы сейчас правящая ветвь Серебряного Ствола.

Она очередной раз лихо объехала встречный автомобиль и на полном ходу развернулась так, что Лансер даже приподнялся правыми колёсами на мгновение.

– А главное, – она заговорщицки улыбнулась, – меня учили при управлении магической повозкой смотреть не на тела, а на ауры. Они всегда заранее выдают действия. Попробуй сам.

Я немного посомневался, всё-таки за рулём девушка, да ещё и первый раз. Но потом решился и резко, почти до щелчка, закрыл глаза. Мир расцвёл энергопотоками. Сразу пропало такое понятие, как слепая зона. А все направления пешеходов оказались явно подсвечены силовыми узлами. С машинами было сложнее, но я приноровился смотреть на водителей и уже через пять минут легко прогнозировал обстановку на дороге.

Через полчаса мы уже ехали по Коровинскому в родные пенаты. Управление всё-таки выпросила Эля, а я наслаждался рассматриванием аур пешеходов и встречных водителей. Интересные попадались экземпляры. В основном уставшие,

грязно-жёлтые. Многие красные, раздражённые. Очень красиво выглядели дети. Их энергополя переливались всеми цветами радуги, почти мгновенно меняя оттенок в зависимости от настроения, заинтересованности, эмоций.

– Притормози, – неуверенно попросил я, и Эля с готовностью сбросила скорость.

Хорошо, хоть не стала резко жать на тормоз. А то я опасался. Волнуюсь я, когда кто-то другой за рулём. Мы аккуратно припарковались, и я указал девушке на заинтересовавшего меня человека.

– Смотри. Какая странная у него аура.

Действительно, необычная. Свечение вокруг тела было едва заметным, а на сером фоне московской осени и вовсе терялось. Если бы не редкие красные сполохи, то и дело пробегающие по энергополю, можно было бы подумать, что перед нами мертвец.

Человек стоял, прижавшись к стенке, в лёгкой куртке и чёрной вязаной шапочке и, похоже, кого-то ждал. На нас он не обратил никакого внимания. Наверное, потому, что мы остановились всё-таки чуть сзади. Уже порядком стемнело, людей на улицах стало меньше. На подпирающего спиной стенку никто не обращал внимания. Я переключился на обычное зрение. Мужик как мужик. На вид чуть за тридцать, худой, щёки лиловые от щетины, нос длинный, губы тонкие. Я бы прошёл и не заметил. Да никто и не замечал.

– Это же вампир, – шёпотом пояснила Эля. – А ты гово-

рил, что в Москве только люди живут.

– Я сам не знал, – так же тихо ответил я. – А что он тут делает?

– Вот поймает его служба ДАР и выяснит.

– Постой! Какой вампир? – я даже шептать забыл от волнения. – У Августа же совсем другая аура. Я сто раз видел. Да и ты.

– Август – высший вампир, – девушка многозначительно подняла палец. – Ты понимаешь разницу?

Я помотал головой.

– Если обычного вампира можно назвать собакой, то высший...

– Волк?

– Нет. – она энергично помотала головой и пряди волос на мгновение закрыли мне обзор. – Высший это хозяин собаки.

Перед глазами сразу встала картинка. Как же понятно Эля объяснила.

– Хозяин не укусит гостя за ногу, – тихо проговорил я, выстраивая логическую цепочку. – А собака может. Если... – в памяти всплыла песенка из воскресной передачи моего детства. – «Если хозяина нет».

Я посмотрел на вампира. Он сложил губы трубочкой и беззвучно для меня засвистел. Полное ощущение прохлаждающегося бездельника. Стоит такой хлыщ, посвистывает... Я закрыл глаза и перешёл на энергетическое зрение.

Это был не просто свист. Он расходился волнами, как от

брошенного в воду камня. Красными волнами с редким, но красивым вплетением серого и чёрного. На гранит похоже. Люди врывались в зону звука и их поведение тут же менялась. У кого-то в энергополе появлялись синие печальные цвета, кто-то наоборот, отгораживался грязно-жёлтым и спешил пройти опасное место. Радиус свиста был метров пятьдесят. До нас не доходило совсем чуть-чуть.

Внезапно идущая женщина застряла в этих волнах, будто муха в паутине. Шла себе дородная тётка лет сорока и килограммов ста, и вдруг – бац – замерла, аура поменялась. Она развернулась к кровососу и сделала неуверенный шаг. Вокруг неё медленно расплывалось мерцающее красным, оранжевым и розовым поле. Женщина неуверенно улыбнулась.

Видимо, вампира что-то не устроило, потому что он мгновенно перестал свистеть, скорчил бандитскую рожу и исподлобья глянул на стоящую перед ним тётку. Та дёрнулась, очнувшись, что-то зло шепнула себе под нос и гордо прошествовала дальше.

Свист возобновился.

– Надо бы в ДАР сообщить, – тихонько предложила Эля.

– Как? Пока доедем, он кого-нибудь сожрёт и смоеется.

Ищи потом ветра в поле.

– Не сожрёт, а выпьет. Вампиры пьют. Это тебе не оборотни.

Внезапно кровосос оглянулся, задержал на секунду взгляд на Лансере, отлип от стены, и, не вынимая рук из карманов,

ленивой походкой двинулся в темноту арки. Свистеть он при этом не прекратил.

Я уже почти расслабился, если бы не девушка в кожаной куртке с меховым воротником, и смешной розовой шапочке с ушками. Она застыла посреди шага, потом повернулась и с видом гаммельнской крысы медленно поплелась за вампиром. Движения вялые, взгляд в никуда. Кровосос скользнул по ней заинтересованным взглядом и улыбнулся уголком губ.

– Он же её убьёт! – вырвалось у меня.

Эля молча смотрела мне в глаза. Снова этот кошачий просящий взгляд. Эх...

Я вышел, порылся в багажнике, и наконец нашёл ключ на двадцать четыре. Всегда вожу его с собой. Так, на всякий случай. Вроде и не привязаться, как к бейсбольной бите, а всё-таки для самозащиты может пригодиться. Правда, к счастью, ещё ни разу не понадобился, потому и лежал в багажнике. Взвесил инструмент в руке – не очень, но лучше, чем голой рукой – и твёрдой походкой зашагал к арке.

Перед глазами стояли картинки из фильмов. Тонкие кривые зубы, врезающиеся в шею жертв, капающая кровь, подгибающиеся ноги... Через несколько шагов меня догнала Эля, и мы вместе нырнули в темноту.

Сначала я подумал, что ошибся, потому что никто никого не держал руками за шею, не прокусывал сонную артерию. Девушка стояла, блаженно привалившись к стене и закрыв

глаза, а вампир... Да и вампир ли? В общем, он заголил ей сиськи и лез ртом куда-то подмышку. Я даже замер от удивления.

– Чего встал? Останови его! – Эля подтолкнула меня в спину.

– Так... он же не это... – У меня не нашлось слов, я почувствовал, что краснею.

– Это. Это, – уверила меня фейри. – Не обязательно же в шею кусать. Да и искать в первую очередь будут именно там. Ты про подмышечную артерию слышал?

Эти слова вывели меня из ступора. Я сделал три шага и изо всех сил шарахнул вампира ключом по голове. Он, не отрываясь, вскинул руку, поймал моё оружие в ладонь, и легко выдернул. И забросил далеко в темноту арки. Потом обернулся. Губы его были в крови.

– А ну пошли вон, сосунки, – свистящим шёпотом пригрозил он. – Не видите, дядя обедает.

От этого голоса меня пробрал озноб. Страшно, что ни говори. Я сосредоточился, разгоняя удары сердца, скорость реакции. Получалось не очень. Обычный человек, скорее всего, от его слов вообще бы замер. Наконец, хоть что-то начало получаться. Слово «обедает» уже прозвучало гораздо ниже остальных. Недолго думая, я двинул кулаком кровососу в нос. Дядя дёрнулся. Нос на мгновение превратился в лепёшку, но потом плавно, как сжатая резиновая игрушка, вернул свою форму.

– Ну, малец, достал – почти беззлобно сказал вампир и, бросив жертву, прыгнул на меня. Я резко присел. Над головой промелькнули два горящих красным глаза, и я двинул кулаком вверх, помогая удару ногами.

Вампира снесло, но он тут же встал и через мгновение уже снова летел на меня. Я повторил удар, но теперь прямо. Кровосос невероятным образом извернулся, дёрнул мою руку и тут же схватил когтистой лапой за горло. Секунда и я вишу, не касаясь земли.

Да что ж они все меня поднимают-то? Мода что ли такая? – Убью, – просвистел носатый и оскалился.

Дышать я не мог. Воздуха не хватало, тело начало непроизвольно дёргаться. А, нет, это не тело дёргалось. Это вампир отчего-то мелко затрясся. Я постарался взглядеться. Не видно ни фиги, спина кровососа закрывает свет. Постарался перейти на энергетическое зрение. Сложно. Попробуй, сконцентрируйся, когда в мозгу только одна мысль: «Воздуха!!!» Закрыв глаза... Это Эля. Положила руки мужику на спину и колотит его какими-то хитро сплетёнными зелёными волнами, отчего тот и трясётся, как под ударами тока. Кстати, аура у вампира изменилась. Покраснела, стала более насыщенной, появились другие цвета и распознаваемые узлы.

«Дышать!!! Воздуха!!! Умру же!!!» – колотилось в мозгу. Я непроизвольно извивался в руке кровососа и чувствовал, как по шее потекла кровь из проколотой когтем вены. Горло пыталось совершить глотательные движения, но изверг пере-

крыл кадык. Я открывал рот, точно, как вытащенная из воды рыба, причём с таким же результатом. С сипением в гортань прорвалась какая-то молекула воздуха, мало. Чертовски мало! Как же хотелось жить...

– Вас двое, – прошипел носатый, глядя на меня красными глазами. – Придётся нажраться.

И захохотал. У меня уже темнело в глазах. И чего я попёрся в эту подворотню? Девушку видите ли спасти. А в результате самого выпьют как банту колы. Мозг судорожно искал выход. Я, наконец, смог хоть чуть сконцентрироваться и судорожно присосался к ближайшему узлу в энергосплетениях вампира. Рука кровососа почти сразу ослабла, я тяжело плюхнулся на землю, но узел не выпустил.

Энергия была противная, будто помои пьёшь. Но я заставлял себя втягивать эту гадость.

Лицо вампира изменилось, посерело, глаза ввалились. Он испуганно озирался, уже не предпринимая попыток кого-то убить. Похоже, дядя не поверил, что это я, и искал того, кто взялся за него всерьёз. Не прошло и десяти секунд, как упырь распластался на земле, перестал дышать, замер... и вдруг рассыпался кучей серого пепла.

Энергия кончилась одновременно с его смертью. Я начал задыхаться, желудок пульсировал и ворочался, пытаюсь избавиться от попавшей внутрь гадости. Вполне ожидаемо меня вырвало прямо на лежащий пепел. Я всё-таки не удержался и упал. Да ещё и головой об стенку двинулся очень хоро-

шо. В глазах поплыло, звуки пропали. Меня внезапно начали дёргать в разные стороны, и я провалился в никуда.

Глава 5

Я снова летел в ту же трубу и уже ожидал очередного падения. Мелькнула мысль, что это всё ещё продолжается практическая работа, но тут же ушла, потому что что-то начало толкать меня в спину. Лёгкие, волнообразные толчки. Смотреть нормально я не мог, но энергетическое зрение, вроде, работало, и я увидел Элю. Она сидела на моём теле сверху и держала ладони на моей груди. Чем-то мне эта поза дефибриллятор напомнила, прямо как в кино. Тем более, что именно от неё и исходили призрачные зелёные волны.

Интересно, как она делала. В её ауре было что-то похожее на палитру, залитую зелёной краской. Фейри зачерпывала по капле и энергетическими волнами вгоняла её мне в грудь. Оттуда и шли толчки, мягко, но настойчиво загоняющие меня в моё старое тело. И ведь затолкали.

Сразу заболело горло. Я попытался вдохнуть, получилось, но лишь закашляться. Хрипло, с раздражающими гортань спазмами. Руки сами собой задрожали, тело выгнулось. И я наконец-то открыл глаза.

Только сейчас разглядел, что лежу на заднем сиденье Лансера, на моём животе уселась Эля и старательно лупит и лупит меня ладонями по груди. Глаза её смотрели зло и одновременно обескураженно.

– Да вставай же, проклятая обезьяна, вставай! – шептала

она.

Девушка оторвалась от своего занятия и потерянно огляделась. Потом тяжело вздохнула и вновь принялась за мою грудь, недовольно бормоча при этом что-то.

– Да как же ты меня... Сиэртилинэ амаль мордюмати. Бардудэ кириллили амаль ио стеленорэ.

Наконец-то полноценно вдохнул и сразу же забилося сердце. Эльфийка это почувствовала, тут же замолчала и внимательно посмотрела на меня.

– Живой? – как-то недоверчиво спросила она.

Я смог лишь кивнуть. Говорить не хотелось – горло всё ещё болело.

Я машинально ощупал свою шею. Опухла. Хорошо, что ран нет. Всё-таки крепко меня этот носатый прижал.

– Сейчас, Кирилл, я сейчас, – девушка засуетилась.

Потом положила ладони мне под подбородок, и я снова почувствовал волны. Стало гораздо легче.

– Что это было? – прохрипел я.

– Он тебя чуть не убил, милый. Хорошо, что его успели упокоить, а то бы ты не выжил.

– Кто? – я толком не понимал, что она имеет в виду.

– Что «кто»?

– Кто упокоил?

– Не знаю, – фэйри равнодушно пожала плечами. – Наверное, кто-то из ДАР за ним всё-таки следил.

– Ага... А потом?

Сердце потихоньку угомонилось, дыхание выровнялось, в висках перестал стучать барабан и голос эльфийки больше не доходил до меня, словно сквозь вату. Я определённо приходил в себя.

– Потом я перенесла тебя на этот диванчик. Только ты уже не дышал.

– А что это за зелёные волны были?

– Ты видел?! – её глаза сразу стали почти вдвое больше.

– Ну... – замялся я. – Не сказать, чтобы отчётливо... так, кое-что.

– Это заклинание малого излечения. Оно добавляет жизненной энергии. Но ты не мог их видеть, ты же не эльф.

– Сейчас... – я привстал.

Чувствовал я себя уже нормально, готов был горы свернуть, только жутко хотелось есть. Хорошо бы перейти к следующему пункту программы и показать девушке кафе или даже ресторан.

Я сел на сиденье и голова, будто только этого и ждала, тут же закружилась.

– Сейчас, – пробормотал я. – Сейчас поедем.

– Кирилл, ты куда?

Неожиданно в воздухе отчётливо запахло жареным мясом. Я непроизвольно сглотнул и огляделся. Прямо перед нами, метрах всего в двадцати, висела на редкость соблазнительная вывеска «Продукты 24 часа». И как я её раньше не замечал? Чуть в стороне виднелась характерная стилизован-

ная чашка «Кофе-Хауса». Всё напоминало о том, что не мешало бы поесть... Я облизнулся.

– Есть хочу, – буркнул я. – Даже жрать. Хорошо бы в кафе заехать.

– Тебе сейчас нельзя, – остановила меня фейри и виновато улыбнулась.

– Что нельзя? – я повернулся к девушке и заметил, как она стремительно побледнела.

Глаза эльфийки резким скачком увеличились почти вдвое, уши дёрнулись, как у испуганной кошки. Даже голос изменился. Теперь он стал жалобный, почти детский. Таким хорошо бы петь «У кошки четыре ноги...» в подворотне.

– Милый, тебе лучше не садиться сейчас за руль. Ты же только что был на грани жизни и смерти.

– А! Ты об этом... А я думал, есть сейчас нельзя. А то очень хочется. Голодный, как медведь весной.

– А... А что бы ты сейчас хотел скушать, милый? – осторожно спросила она.

– Что угодно! Ежа готов сожрать нечищеного. Слона целиком.

– А может, какой-нибудь салатик? Или овощи, фрукты?

– Да. Салатик, овощи, и чего-нибудь пожрать. Я так понял, ты на мне какое-то заклинание попробовала?

Эля неуверенно кивнула.

– Вот я и голодный после него.

Из девушки словно вынули стержень. Она расслабилась,

облокотилась на спинку переднего сиденья и перестала втягивать голову в плечи. Даже уши заняли нормальное положение.

– Я так испугалась, – призналась она. – Думала, после укуса тебя вампир инициировал. У эльфов для инициации нужно, чтобы наоборот, кровь вампира попала в организм. А у вас, человеков... вдруг не так?

– Ладно. Пошли в кафе. Всё равно хотел тебя сводить.

Эля вяло тыкала вилкой в какую-то несерьёзную зелень и с умилением смотрела, как я жадно поглощаю двойную порцию стейка с картошкой. Там ещё салат какой-то был, но я его даже не запомнил, так есть хотел. Наконец, в животе образовалась приятная тяжесть, по телу растеклось тепло. Только сейчас понял, как же я замёрз в этой подворотне.

Я наконец прекратил жрать и начал ужинать. Взял нож, зря что ли учился пользоваться столовыми приборами? Не спеша отрезал маленький кусочек от оставшегося мяса...

– Я так испугалась, милый, – влюблённым голосом проговорила фейри. – А что, если бы ты стал вампиром? Как бы я тогда? Я ведь твоя рабыня...

Я молча отмахнулся столовым ножом. Интересно, можно так за столом или я сейчас походя нарушил штук пять разных правил этикета?

– Вообще, рабство, это неправильно, – продолжила девушка.

И чего её на эту тему потянуло? Я же ей сразу сказал, что

мне рабы не нужны. Не в древнем Риме.

– Я раньше думала, что так и должно быть. А сейчас сама попала в подобную ситуацию и вижу, что это неправильно.

Похоже, крепко её вопрос рабства зацепил... Надо бы что-то сказать, успокоить.

– Эля, я тебе ещё тогда объяснял, что мне рабы не нужны. Ты свободна. Если надо где-то расписаться, давай. Или там, вольную напишем. Ну, или как это у вас полагается?

– У нас или женятся на рабыне, или получают за неё выкуп. Всё её имущество.

– Отлично. Что у тебя есть? Пять, кажется, платьев, зубная щётка. Вот их я и заберу. Возьмёшь в магазине новые.

– Кирилл! – в голосе девушки зазвучал металл. – Я принцесса правящей ветви, пусть и не наследная. И мне, как и всем детям императорской фамилии, положен лен. У меня свой лес, Кирилл. И он по геральдическому регламенту соответствует графству у человекаов.

– Ты... это... что, графиня что ли?

У меня всё в голове запуталось. В академии было всё равно, кто из студентов какой титул имеет. Я даже не задумывался об этом никогда. Да и не удивительно. У нас вон, сто лет назад всю аристократию под нож пустили, кто не сбежал. Вот и не думал о таком никогда. А сейчас и понять не могу, каково это – своё графство. Это тогда что же, крепостные свои? Личные собственные, подвластные люди? То есть эльфы, конечно, но это ничего не меняет. И вот эта хозяйка «за-

водов, газет, пароходов» теперь моя рабыня? Бред какой-то.

– Тем более, тебя надо отпустить!

– Да? – она хитро прищурилась. – А жениться ты, значит, больше не хочешь? А ведь недавно ещё был готов.

Вот как они так умеют? Одной фразой ввела в смущение. Я же не отказывался. Просто это, мне кажется, неправильно, жениться из-за неудачного случая, когда девушке деваться некуда. Это... это как по залёту! И как ей теперь объяснить?

– Я и не отказываюсь. Просто одно дело жениться, если двое равны и все по согласию. А так... Я и без того не эльф, меня твои подданные не примут. И кроме всего прочего будут говорить, что я женился не на девушке, а на титуле. И во дворце будут на меня смотреть как на рабовладельца. Ещё отравят, чего доброго. Ну, ты меня понимаешь?

Поймал себя на том, что тараторю, оправдываюсь, поминутно пожимаю плечами. Эля смотрела на меня, и глаза у неё становились всё грустнее и грустнее.

– Как-то надо по-другому делать, – неуверенно добавил я и посмотрел на фейри.

Девушка сидела как в воду опущенная. Даже ушки поникли. Она шмыгнула красивым носиком, подняла на меня печальные глаза и еле слышно ответила:

– Наверное, ты прав. Даже если мы просто поженимся, нас не поймут при дворе. А что делать, я не знаю. У папы надо спрашивать. Он поможет.

Ёлки-палки. Я даже приблизительно не знаю, как добрать-

ся до её папы. Это не в другой город съездить. Другой мир. И где он, я понятия не имею. Может, его видно ночью за городом, на звёздном небе, а может, вообще в соседней реальности. В любом случае, до окончания академии нет смысла даже думать о знакомстве с родителями моей девушки. Мы банально не знаем, как это осуществить.

– Значит, будем ждать знакомства с папой.

– А зачем ждать? – эльфийка мгновенно переключилась от грусти к радостной улыбке. – Я в любой момент могу попасть домой.

Она подтянула рукав куртки, и я увидел едва заметную зелёную татуировку. Вообще-то я замечал этот орнамент и раньше, но не обращал на него внимания. Сейчас все ходят разрисованные. Даже Дашка примерно раз в пару месяцев добавляла что-нибудь в экспозицию графики и живописи на своём теле.

– Это привязка к дому, – пояснила Эля. – Такую делают всем членам императорской семьи ещё в младенчестве. Гарантирует от похищения, например. Да и просто заблудиться невозможно. Стоит влить в неё силы, и я вернусь домой.

– А я?

– А ты со мной, конечно.

Она решительно начала закатывать рукав.

– Подожди, подожди, – замахал я руками. – А как же академия? Блин! Нам же даже не назначили время возвращения! Мы точно опоздаем.

– Глупенький, – эльфийка снисходительно улыбнулась. – Ты забыл, что время в ДАРе не зависит от времени окружающих миров. Вспомни, мы почти полгода учились, а вокруг прошли всего сутки. Так что, когда бы мы ни вернулись, всегда будет вовремя. Во всяком случае, пара месяцев у нас точно есть.

– Уверена?

– Конечно. Иначе бы и не рисковала.

Я всё-таки колебался. Честно говоря, страшновато. Чужой мир, да ещё и эльфы. Но не показывать же свой страх любимой девушке.

– Эх! Ладно, поехали. Что надо делать?

– Я ещё никогда не пробовала перемещаться вдвоём... Но... Думаю, надо обняться.

– Мы в кафе вообще-то. Может, хотя бы выйдем туда, где людей поменьше?

Она смущённо огляделась, покраснела и начала взволнованно теревить рукав.

– Я и забыла. Пойдём, отъедем на твоей повозке куда-нибудь подальше от всех.

***** Интерлюдия*****

Это место не было похоже на привычное нам пространство. Зыбкое и ничуть не похожее на реальность, оно казалось продолжением то ли сна, то ли фантазии. Ни одной ста-

бильной структуры, ни одного постоянного элемента. Каждая его составляющая постоянно меняла форму и свойства, то ли стараясь наиболее соответствовать запросам хозяина, то ли повторяя путь его мысли. Самым заметным элементом здесь была похожая на глобус проекция планеты. Она сияла безо всякой опоры в центре маленького домена, а вокруг неё, не спеша, кружил молодой бог. Он то и дело застывал, разглядывая что-то на поверхности единственного материка, и тогда нужное место увеличивалось, усиливая детализацию.

Юный бог испытывал двоякие чувства.

С одной стороны, ему нравилась царящая в созданном мире гармония. Три цвета энергетической палитры населяющих планету существ – красный, зелёный и синий – составляли полный, хотя и минимальный, спектр. Благодаря такому разделению здесь не было резких скачков, внезапных изменений. Развитие шло плавно и предсказуемо. Он не зря выбрал для основного населения эльфов. Эти существа мало подвержены перепадам настроения, вспышкам эмоций. Бессмертие приучает их к покою и обдуманному поведению. Конечно, в его домене не бывает искромётных дворцовых переворотов или зрелищных сражений, как у старшего брата. Но и его положение ничуть не хуже. Запутанные, но красивые, спокойные, выверенные, интриги мира Леса могут тянуться несколько столетий, увлекательно переплетаясь и принимая иногда самые неожиданные формы. Но в итоге приводят всё к той же гармонии и сохранению энергетического спектра.

Последняя серьёзная война здесь случилась пятнадцать тысяч лет назад. И хоть она и унесла жизни жёлтого и белого домов, но оставшиеся три всё ещё составляли полный спектр. А допускать новой войны молодой бог не собирался. Никогда ведь не знаешь, чем она кончится. А если будет стёрт, к примеру, зелёный, правящий в этом тысячелетии, дом, или как говорят сами эльфы, «ствол»? Тогда гармония энергетик планеты развалится и мир скатится в хаос. А что приходит после хаоса, знает каждый – энтропия, окончательная смерть мира. А с ней и обязательная гибель бога-создателя этого мира. Отец показывал ему проекции мёртвых планет – сплошной холодный серый цвет, скука и никакого проявления жизни. А нет жизни на планете – значит мёртв и тот, кто её создал.

Поэтому молодой бог, младший в семье, которого свои звали Листик, считал нынешнее состояние своего мира идеальным – что может быть лучше гармоничного союза трёх равных сил. Красный – дом магии огня, зелёный – дом магии жизни, и синий – дом магии воды. Всего три цвета, но они составляют полный спектр, из них можно собрать любой оттенок. Пусть так развитие движется медленнее, зато без эксцессов. Нет риска, что в результате какого-нибудь массового столкновения от живой планеты останется голый холодный камень.

Раздражало Листика только непонятно откуда взявшееся чёрное пятно почти на границе оставшихся со времён вой-

ны пустошей. Откуда оно взялось, юный бог не представлял. Раньше на этом месте жили эльфы жёлтого дома земли, но вся их популяция была уничтожена много тысяч лет назад.

– Всё сидишь?

В домене внезапно появился старший брат Листика, Волчок. Он нарочито презрительно посмотрел на проекцию, потом перевёл взгляд на встрепенувшегося брата.

– Что-то ты не торопишься. У меня вон, уже семь миллиардов душ.

Волчок щёлкнул пальцами и рядом с проекцией Листика появилась ещё одна. В отличие от мира Леса, здесь всюду кипела жизнь. Шар планеты, словно цветущий луг, был покрыт мириадами разноцветных пятен и точек всех цветов и оттенков, от белого до чёрного. И всё это копошилось, переливалось, двигалось.

– И заметь, население всё растёт. – похвастался брат. – А ты, небось, на голодном пайке сидишь? Веры-то хватает? Или мама подкармливает? Сколько у тебя? Миллион?

– Ну... – замялся юный хозяин домена, – почти. Пусть у меня меньше, зато мои верят постоянно и интенсивно. Мне хватает. И вообще... Ты старший. И у тебя мир без магии! А они всегда на начальных этапах быстрее развиваются, мне папа говорил. Вот и наплодились. Толку-то с них? Сам же рассказывал, что ещё двести лет назад почти половина жителей перестала верить в богов вообще. Много ты тогда веры получил? Много?

– Ладно, ладно, успокойся, – Волчок сделал примирительный жест, и его проекция исчезла. – Я же не ссориться пришёл, а просто посмотреть. Что у тебя новенького?

Листик смутился, но потом поднял на брата глаза.

– Смотри, – указал он на тёмное место на проекции. – Не знаю, что это. Там вообще пустоши и никто жить не должен. И вера оттуда не идёт совсем.

– А, смерть! – тоном знатока заметил старший. – Это хорошо.

– Да чего в ней хорошего? Только гармонию портит.

– Зато, может, расшевелит твоё болото, – усмехнулся брат.

Он сделал незаметный жест в сторону проекции, будто сбрасывая что-то щелчком, потом обдал младшего тёплой волной любви.

– Ну, я побежал, – сказал Волчок, глядя, как расплывается в улыбке лицо Листика. – Не зажимай своих, дай им больше свободы.

И старший братишка исчез так же внезапно, как появился.

В тот же миг он очутился в куда большем домене. Это место выглядело как солнечная цветущая зелёная лужайка в светлой берёзовой роще. Всё здесь дышало жизнью и порядком, каждая веточка находилась на своём месте. Возле куста разноцветных цветов с видом полноправного хозяина стоял стройный мужчина средних лет в длинных свободных одеждах, а над ним светила сдвоенная звезда, вокруг кото-

рой неспешно вращались целых восемь планет.

– Па! Я всё сделал, – произнёс Волчок и с небольшой ноткой зависти посмотрел на проекцию.

Ничего. Ещё немного и его мир разовьётся окончательно. А тогда он и сам создаст себе светило не хуже. И тут уже не придётся, как маленькому, крутиться вокруг папиной и маминой звёзд. А значит, его домен станет настоящим и полностью самостоятельным, сам Волчок получит полное имя и будет считаться взрослым, и даже сможет заводить знакомства в других реальностях. А тогда ему можно будет общаться со старшими богами, которые иногда приходят в гости к родителям. С Живой, Судьбой, Смертью. И, наконец, с Любовью. Молодой бог покраснел.

– Молодец, сын, – от отца пошла мощная тёплая волна одобрения и любви. – Может быть хотя бы наши совместные действия заставят малыша Листика повзрослеть.

Как только Волчок исчез, от ствола дерева отделилась стройная молодая женщина в длинном облегающем зелёном платье. Она, не приминая травы, величаво подошла к хозяину домена. Двигалась она настолько плавно, что казалось, её ноги не касаются земли. Женщина нежно обняла мужа, положила подбородок ему на плечо и ласково поцеловала в шею.

– Дорогой, не слишком ли ты жёстко с младшим? – тихо спросила она. – Сначала смерть, теперь этот пришелец. Уже сейчас мальчик ничего не понимает, а что будет потом, когда

его гармония нарушится?

– Я именно этого и добиваюсь. Мальчишка совсем обленился. Он забыл, что без смерти для созданного мира нет и развития. Зачем его эльфам придумывать что-то новое, если у них и так тысячи лет всё идёт стабильно и хорошо? Ты обратила внимание, что при постоянном количестве душ интенсивность веры в его мире всё равно падает? А это ведёт к стагнации и последующей энтропии. Сравни. Волчок скоро получит взрослое имя, его почти не бывает в нашем домене. А Листик?

– Но он же младший, – возразила жена.

– Он младше всего на десять тысяч лет. Волчок в его возрасте уже делился энергией с родителями.

Бог укоризненно посмотрел на жену.

– У Листика всё ещё впереди, – неуверенно возразила та.

– Ты сама знаешь, что не права.

– Всё равно, постарайся обойтись не так жёстко. Не забывай, что это наш сын.

– Я люблю его ничуть не меньше тебя. И очень хочу, чтобы Листик повзрослел.

– Но...

– Его застой не даёт расти всему нашему домену. Неужели ты хочешь, чтобы из-за одного ленивого мальчишки пострадала вся семья? А мы сейчас на грани ухода в хаос.

– В хаос? – лицо женщины на мгновение замерло в испуге.

– Милая, ты у меня уже большая девочка. И тебе должно

быть известно, что покой и хаос – это два положения маятника. Если не приложить к ним третью силу, то за состоянием покоя и гармонии, неизбежно последует хаос и сумятица. Причём, во всём нашем домене, а не только у Листика.

– Но хаос у Листика... Он же такой уравновешенный, вдумчивый.

– Значит, справится. Всё, закрыли тему.

Глава 6

– Листопад! – закричал наблюдатель на башне, указывая рукой в сторону молодого леса. – Листопад!

Дежурный встрепнулся, высунулся из-за стены и взгляделся в вечерний сумрак. Действительно, со стороны деревьев по дороге двигалась кавалькада из восьми всадников, а за ней угловатая чёрная карета, запряжённая четвёркой лошадей. Сомнений не было, в Борбург приехал Его Высочество Герцог Надир Кавондарский по прозвищу Листопад.

Дежурный махнул рукой, и к воротам тут же подбежали четверо стражников. Но открывать не спешили – с той стороны стены перетаптывались с ноги на ногу два десятка неупокоенных. Не приведи Ставрос открыть раньше времени – мечом потом не отмашешься. Пусть уж лучше их Высочество по-своему, по-магически с ними разберутся. Для того, поди, и едет.

Карета подпрыгнула на кочке, и Надир отвлёкся от созерцания молодой зелени. Когда-то, почти сотню лет, этот лес звался Мёртвым. Деревья стояли голые, живности не было. Только толпы неупокоенных бродили среди мёртвых стволов. И причиной всему – именно он. Тогда-то герцог, в те времена ещё граф, и получил своё прозвище. Листопад. Ему нравилось. А кроме того, как всё эффектно тогда прошло. Все эльфы, жившие в тысячемильном круге, мгновенно пе-

рестали беспокоить не успевших обустроиться переселенцев. Конечно, несколько неудобно было то, что эльфы сильно оказались завязаны на свой лес. Поэтому их смерть потянула за собой и гибель всех деревьев. Целых пять лет крестьяне жили на каше и рыбе, которая чудом уцелела в крупных реках. Скотину пришлось отправлять за пределы вымершей зоны, что породило новые стычки, к счастью, некрупные.

Ничего страшного, подумал Листопад. Вон, всё уже почти такое же, как было. И трава растёт, и деревья зеленеют, и зверьё из соседних лесов подтянулось. Если бы не побочные эффекты от заклинания, жили бы сейчас не хуже, чем у себя дома.

Дома...

Это короткоживущие немаги, да молодёжь лет до ста могут называть этот мир домом. А он ещё помнит Великий Исход. Именно сюда, всего-то миль сорок от места, где сейчас стоит Борбург, и открылся портал, через который и перешли в этот мир правящий монарх со всей семьёй, вассалами, горожанами и крестьянами. Вовремя, надо сказать, перешли. Иначе, вырезали бы за ночь всех поклонников богини Хелы. Глава семейства Майндоргов уже объявил Ночь Мечей и Кос, и меньше, чем за сутки, планировал прикончить всех, кто имел отношение к правящей династии.

– Листопад! – послышалось со стены.

Герцог улыбнулся. Приятно, когда тебя ждут. А главное – нужно. Иначе, зачем бы он в своём возрасте то и дело коле-

сил по стране, очищая местности от поднимающихся неуспокоенных? Всё-таки не первая сотня лет. Да и звание архимага тоже позволяет почивать на лаврах.

Но это не для Надира. Пусть другие отдыхают. А ему сидеть некогда. Надо и каналы прокачивать, добываясь мощного и быстрого потока энергий, а заодно популярность в народе поддерживать. Герцог надеялся, что уже сейчас его любят больше, чем Его Величество Игудона третьего.

Карета резко остановилась, лошади захрипели. Снаружи послышался стук мечей и короткие воинственные вскрики. Архимаг высунулся. Возле ворот топталась небольшая стайка неуспокоенных, голов в двадцать. Гвардейцы, яростно размахивая мечами, прорубали дорогу карете сквозь неживую толпу. То там, то здесь вспыхивали мертвенным светом амулеты личной защиты, ограждая воинов от ударов.

Герцог мгновенно создал плетение массового упокоения неживых, влил в него побольше энергии, и направил вперёд по широкому конусу. Через секунду путь к воротам был свободен. Заскрипели тяжёлые петли, и карета не спеша вкатилась в город. Видевшие, как он легко упокоил мертвецов, люди кричали и махали шапками.

Часом позже, принявший с дороги душ и перекусивший, архимаг устроил совет.

– Это крупный прорыв, ваше высочество, – объяснял городской магистр Камран Болотник, водя указкой по карте окрестностей на стене. – Речь идёт по крайней мере о тысяче

неупокоенных. Во всяком случае, это количество упоминается в докладах с мест. Скольких пока ещё не видели, один Ставрос знает.

– А что скажет духовенство? – герцог повернулся в сторону епископа.

– Мы два дня ходили столбовым ходом круг города, – неохотно пробасил священник. – С сотню нёмёртвых развеяли. Но амулеты богини требуют подзарядки...

Герцог поощрительно кивнул, и епископ продолжил:

– Все окрестные ведьмы уже давно приняли очищение на столбе. Да и праздник намедни был, Вознесение Огненное. Народу чудо нужно? – и сам себе ответил. – А как же?! Вот и ещё траты. А от алтаря, сами знаете, сразу много не получить. Кто же мог предвидеть, что они откопаются? Но мы готовы продолжать, если, конечно, богине будет угодно зарядить через вас наши амулеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.